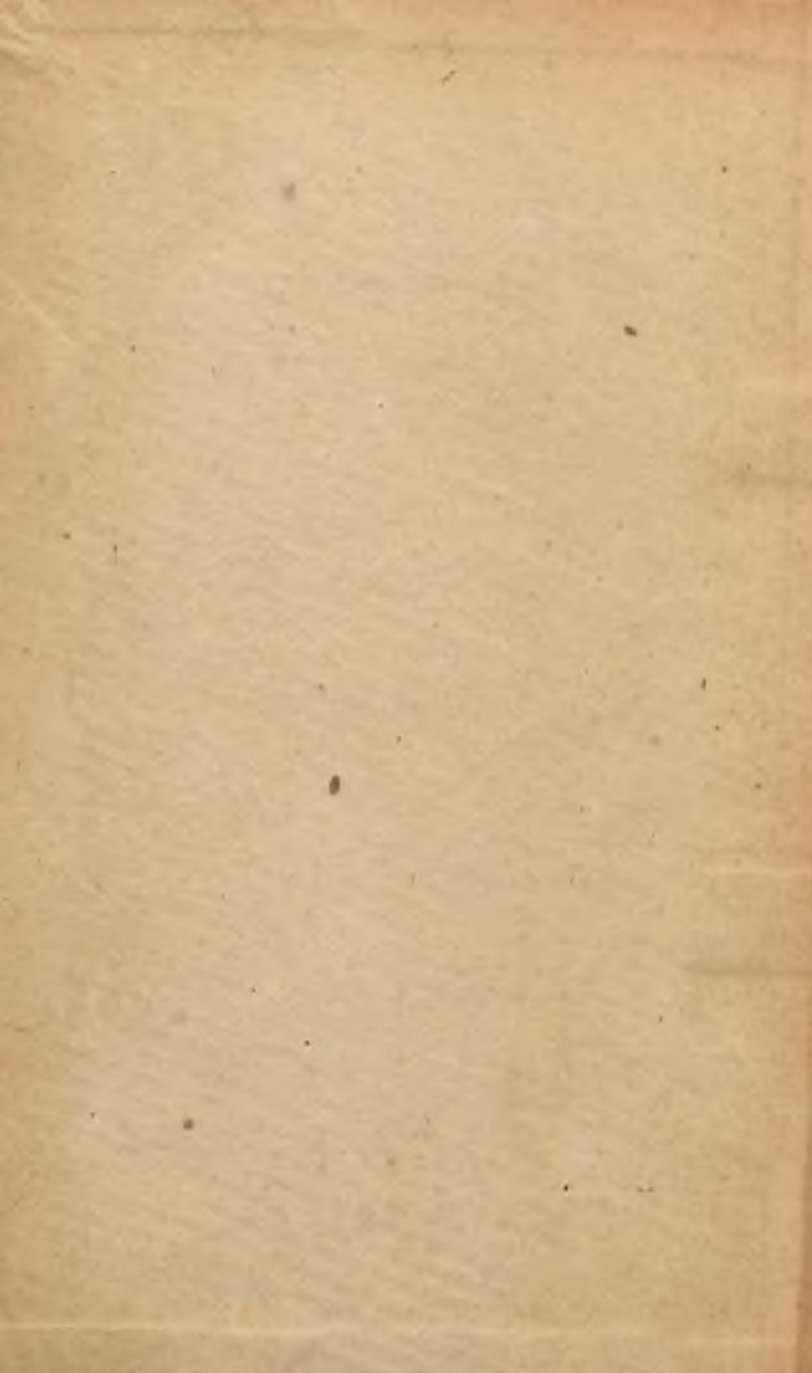

Biblioteka im. Hieronima
Łopacińskiego w Lublinie

324092

Медоръ Рибо.

Профессоръ Collège de France и редакторъ „Révue
philosophique“.

ХАРАКТЕРЪ.

ОБРАЗОВАНИЕ ХАРАКТЕРА, ЕГО ЭЛЕМЕНТЫ, ВИДЫ,
РАЗНОВИДНОСТИ И УКЛОНЕНІЯ.

Психологическій аспектъ.

(LES CARACTÈRES)

Переводъ и примѣчанія

и П. Рапгофа.

ВНА 25 К.

~~18789~~
В. Р. им. Л.

ПЕТЕРБУРГЪ.

издана книгопродавца В. И. ГУБИНСКАГО.

1899.

1000072450

Въ

ВЪ СПБ.

У
томъ
рисиА:
Большой
Характе-
р. 50 к.

Содержаніе: Люди и благородные люди.—Великіе люди—великіе работники.—Великіе юноши.—Великіе старцы.—Родословная таланта и генія.—Литературный недугъ.—Излишняя мозговая работа.—Здоровье.—Пристрастія.—Городская и сельская жизнь.—Одинокіе и женатые.—Подруги.—Закатъ жизни —Послѣднія мысли великихъ людей.

Саморазвитіе умственное, нравственное и практическое съ дополнит статью «Русскіе дѣятели» (самодѣятельность).—Переводъ и дополненіе В. Вольфсона. Спб. 1895 г. 400 стр. ц. 1 р. 25 к.—Самопомощь общественная и личная.—Изобрѣтатели и промышленные дѣятели.—Три гончара.—Прплежаніе и настойчивость.—Научная дѣятельность.—Труженики изящныхъ искусствъ.—Труженики пера.—Энергія и сила воли.—Дѣловые люди.—Деньги—пользованіе и злоупотребленіе ими.—Саморазвитіе.—Значеніе примѣра.—Значеніе характера.—Русскіе дѣятели.

Характеръ. Воспитаніе и образованіе. Перев. С. Майковой. 1896 г. 7-ое изданіе. Вліяніе семьи.—Товарищество и примѣръ —Трудъ — Мужество.—Самообладаніе.— Долгъ и правдивость.—Нравъ.—Манеры и изящество.—Общество книгъ —Вліяніе брака.—Школа жизни. Ц. 1 р.

Вѣчный труженикъ. Жизнь и приключенія шотландскаго натуралиста Томаса Эдуарда. 2-е изданіе. Съ рисунками. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

Долгъ Нравственныя обязанности челоѣка. Переводъ С. Майковой. Содержаніе: Долгъ.—Совѣсть.—Честность.—Правдивость.—Мужество —Терпѣніе.—Героизмъ добрыхъ дѣлъ.—Человѣколюбіе.—Гуманное обращеніе съ животными и лошадьми въ особенности.— Отвѣтственность.—Послѣдній конецъ. 2-е изданіе. Спб. Цѣна 1 руб. 50 к.

Бережливость. Переводъ Сысоевой. Спб. 2-е изд. 1896 г. Ц. 1 р. Цѣль этой книги побудить людей употреблять свои средства на достойныя цѣли, а не растрчивать ихъ на удовлетвореніе пустыхъ прихотей.

Путешествіе мальчика вокругъ свѣта. Съ рисунками. Перев. В. Вольскаго. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

Теодоръ Либо.

Профессоръ Collège de France и редакторъ *Revue*
philosophique“.

ХАРАКТЕРЪ.

ОБРАЗОВАНИЕ ХАРАКТЕРА, ЕГО ЭЛЕМЕНТЫ, ВИДЫ,
РАЗНОВИДНОСТИ И УКЛОНЕНІЯ.

Psychologique et physiologique.

(LES CARACTÈRES)

Переводъ и примѣчанія

И. П. Рапгофа.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе книгопродавца В. И. ГУБИНСКАГО.
1899.

2306255 744905

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 Июля 1898 года.

159.92

Предисловіе переводчика.

Въ предлагаемой монографіи, въ разное время частями появившейся въ видѣ статей во французскихъ научныхъ журналахъ, авторъ всесторонне разсматриваетъ *характеръ*, какъ съ чисто психологической, такъ равно и съ фізіологической точки зрѣнія, почему монографія, составленная по этимъ его первоначальнымъ трудамъ, пріобрѣтаетъ извѣстную рельефность и цѣльность, что и составляетъ цѣль этой книги.

Переводчикъ.

ВВЕДЕНІЕ.

По поводу психологіи нѣкоторыми авторами сдѣлано весьма справедливое замѣчаніе, что обширный анализъ, производимый въ настоящее время въ этой области, слѣдовало бы дополнить изслѣдованіями въ совершенно противоположномъ направленіи. Такимъ образомъ, на ряду съ аналитическими способами абстрактной психологіи, явилось бы необходимымъ дополненіемъ психологія синтетическая, конкретная.

Какъ всякая другая наука, и обыкновенная психологія пользуется для своихъ цѣлей обобщеніями. Психологія, занимаясь воспріятіями и концептами ассоціацій идей или движеній, чувствами, ощущеніями, эмоціями,—она всегда беретъ эти проявленія тамъ, гдѣ ихъ находятъ,—у всѣхъ людей, у всякихъ животныхъ и, путемъ сведенія къ наиболѣе общимъ условіямъ, пытается всѣхъ ихъ объяснить.

Психологія исходитъ изъ того основнаго положенія, что въ каждомъ человѣкѣ существуютъ инстинкты, привычки, интеллектуальныя, аффективныя и волевыя явленія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ рождаются существенные вопросы: 1) въ какой пропорціи и какъ соединяются эти элементы въ человѣкѣ для обра-

зованія различныхъ психологическихъ индивидуальностей? 2) каковы тѣ безчисленные комбинаціи (сочетанія), которыя они могутъ представлять? Вліяетъ-ли вообще и какъ, преобладаніе одного проявленія на развитіе остальныхъ?

Всѣ эти и тому подобные вопросы вовсе не ставятся аналитической психологіей, и это вполне понятно, такъ какъ такого рода вопросы не могутъ входить въ ея область. Тѣмъ не менѣе, эти вопросы стоятъ того, чтобы ихъ поставить, хотя бы ради практической пользы.

Кто то по отношенію къ медицинѣ высказалъ мнѣніе, что „нѣтъ болѣзней, а существуютъ только больные“. Поэтому то сочиненія по патологіи, описывающія общіе, классическіе признаки, неминуемо дополняются клиническими опытами, описаніями, касающимися частныхъ (конкретныхъ) явленій.

Пародируя вышеупомянутый парадоксъ, точно также можно было бы сказать о психологіи, что не существуетъ человѣчества, а имѣются только люди. Также и на томъ же основаніи недостаточно описанія проявленія духовной истины вообще, а нужно еще принять во вниманіе и личности, которыя ихъ воплощаютъ, и варианты и разновидности, наблюдаемые въ этихъ личностяхъ. Такимъ образомъ становится яснымъ, что синтетическая точка зрѣнія собою не представляетъ ни химеры, ни ничтожества; въ психологіи же въ особенности синтезъ болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было умѣстенъ.

Сложилось и силою давности упрочилось вполне ошибочное, но очень распространенное мнѣніе, что если мы разберемъ сложное цѣлое

на его элементы, то найдемъ *все*, что его составляло. Большинство сложныхъ цѣлыхъ, и это упускается изъ виду, скорѣе приближается къ химическимъ *соединеніямъ*, чѣмъ къ обыкновеннымъ *смѣсямъ*, а потому конечно не образуются путемъ простаго сложенія или смѣшенія. Вотъ почему синтезъ заключаетъ въ себѣ *больше*, чѣмъ анализъ.

Чѣмъ выше мы поднимаемся отъ неорганическаго міра—къ органической жизни, къ обществу и къ сознанию,—тѣмъ менѣе и менѣе оказывается возможнымъ обойтись безъ синтеза, въ смыслѣ точки зрѣнія. Даже въ неорганическомъ мірѣ, гдѣ, какъ извѣстно, существуютъ только общія свойства мертвой матеріи, нѣкоторыя сложныя тѣла не представляютъ собою самостоятельную особенность, т. е. видъ, имъ однимъ свойственный въ смыслѣ существованія и дѣйствія. Это лучше всего подмѣтитъ на кристаллахъ. Ихъ ростъ, на примѣръ, можно остановить и онъ потомъ опять возобновляется. Если изломать кристаллы, они способны возмѣстить свои потери. Словомъ,—ихъ можно подвергать большимъ измѣненіямъ, размельчать, дробить и, если хоть одна только часть (частица) уцѣлѣетъ въ нетронутомъ видѣ, она сохранитъ способность расти и избѣжать одряхленія. Такимъ же образомъ мы въ неорганическомъ мірѣ встрѣчаемся съ весьма любопытнымъ явленіемъ, что два совершенно различныхъ вещества могутъ смѣшиваться въ одно цѣлое и стать почти неотдѣлимыми, сохраняя каждое въ то же время свою индивидуальность.

Затѣмъ, переходя къ агрегатамъ, обладающимъ неяснымъ, непостояннымъ и недостаточ-

нымъ единствомъ, мы уже встрѣчаемся съ растеніями, гидроидными полипами и тѣми сидячими или подвижными животными колоніями, которыя въ наукѣ получили названіе федерацій.

Поднимаясь выше и выше по ступенямъ эволюцій, мы доходимъ до высшихъ животныхъ формъ, которыя о своей индивидуальности заявляютъ настолько опредѣленно и ясно, что доказывать сіе нахожу излишнимъ.

Выше приведенные доводы въ одинаковой степени относятся и къ психологіи.

Чего только въ разное время не говорилось по поводу единства и тожества личнаго „я“, возведеннаго въ простую и неразложимую цѣльность? Да не заподозрять читатели автора настоящаго труда въ пристрастіи въ этомъ направленіи. Справедливость однако требуетъ признанія, что вслѣдствіе тому особенному вниманію, которое въ послѣдніе годы обращено было на всякія ненормальности, искаженія, распаденія и разложенія личности, аналитическій методъ вполне восторжествовалъ надъ синтетической стороною вопроса незаслуженно оставшеюся въ тѣни.

Я не остановлюсь на подробномъ сопоставленіи и противоположеніи аналитической и синтетической психологіи. Вопросъ этотъ настолько сложенъ и обширенъ, что касаться его вскользь и попутно считаю неудобнымъ. Скажу одно лишь, что для разсмотрѣнія и обсуждения предметовъ и явленій природы существуютъ два въ одинаковой степени законныхъ приѣма: методъ *аналитическій*, отвлеченный, для котораго существуютъ только законы, роды, виды, общія понятія, а во вторыхъ—методъ *синте-*

типическій, конкретный, который, наоборот, дѣло имѣетъ только съ фактами, событіями, индивидами, частными явленіями. Каждый изъ этихъ методовъ предполагаетъ и дополняетъ другой: это—два момента того же изученія.

До сихъ поръ въ новой, т. е. современной психологіи, вполне опредѣленно упрочился аналитическій способъ; это, однако, не помѣшало появленію въ печати нѣсколькихъ плодотворныхъ изслѣдованій въ синтетическомъ направленіи. Не смотря на сравнительно неблагоприятныя условія, этимъ авторамъ удалось опредѣленіе нѣкоторыхъ типовъ воображенія и ихъ разновидностей; изъ нихъ укажу на сочиненія и статьи, касающіяся зрительныхъ, слуховыхъ и двигательныхъ воображеній, какъ равно и многихъ разнообразныхъ уклоненій.

Передъ синтетической психологіей, передъ ея методомъ изученія—стоитъ существенная задача въ области дѣйствія. Это—задача практическая. Она состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить главные индивидуальныя типы, по ихъ способу (манерѣ) дѣйствовать и реагировать на тѣ или иныя возбужденія,—способу, источникъ котораго лежитъ и въ чувствахъ и волѣ каждаго отдѣльнаго лица. Это и составляетъ, вѣрнѣе, обозначаетъ характеръ—общепотребительный, хотя и довольно туманный, по своей условности, терминъ. Итакъ, перейдемъ къ изученію характеровъ.

Теодоръ Рибо.

Краткій очеркъ исторіи теоріи характера.

Въ этой главѣ я коснусь лишь въ принципиальныхъ чертахъ исторіи подлежащаго вопроса; подробное изложеніе исторіи—было бы слишкомъ длиннымъ и монотоннымъ. Развитие этого вопроса по всей вѣроятности происходило по двумъ направленіямъ, и я почти съ увѣренностію могу сказать, что одно изъ нихъ было посвящено физиологическому, другое—главнымъ образомъ психологическому. Физиологическая теорія чрезвычайно стара и ей принадлежало исключительное господство въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій. Она раньше всего выразилась въ той классической доктринѣ *четырёхъ темпераментовъ*, унаслѣдованной отъ греческихъ врачей. Греки въ данномъ случаѣ проявили необычайную наблюдательность и заключеніе свое о этихъ темпераментахъ они вывели, очевидно, изъ долгаго опыта. Правда, подъ вліяніемъ разныхъ пережитковъ всякихъ ложныхъ ученій, они присоединили сюда химерическія гипотезы относительно преобладанія „жидкости“ организма или космическихъ элементовъ.

Это настолько своеобразное ученіе грековъ не разъ подвергалось въ наукѣ строжайшей критикѣ; находились и защитники, снова оно оставлялось во всей неприкосновенности или, благодаря Кабанису, ви-

доизмѣнилось въ смыслѣ обогащенія еще двумя темпераментами: нервнымъ и мышечнымъ; другими, наоборотъ, число темпераментовъ сводилось до трехъ, а по существу греческая доктрина осталась неизмѣнной до настоящаго времени. Психологія только приспособляла эту теорію для своихъ цѣлей, переводя ее на свой научный языкъ. Впрочемъ, эта задача психологіи значительно облегчалась уже тѣмъ, что оказывалась отчасти выполненной заранѣе, ибо въ древнее время даже описаніе каждаго темперамента входили не только одни физическіе, но также и психическіе признаки.

Сангвиникъ—считается впечатлительнымъ, измѣнчивымъ, легкомысленнымъ, сговорчивымъ и неустойчивымъ;

меланхоликъ—считается заменутымъ, скрытнымъ, глубокимъ и нерѣшительнымъ;

холерику—приписывается дѣятельное воображеніе, сильныя, упорныя, съ большимъ трудомъ подавляемыя, страсти, творческій даръ и пр.;

лимфатическій (или *флегматическій*)—темпераментъ—ему, какъ говорятъ, свойственна и вялость и холодность, медленность реакцій, безцвѣтность воображенія и смертность.

Въ нашемъ вѣкѣ эта психофизиологическая теорія господствовала преимущественно въ Германіи, гдѣ знаменитый Кантъ ее значительно развиваетъ; Лотце въ особенности останавливается на терминѣ „меланхолическій“, замѣняя его словомъ „сентиментальный“, и это, какъ ему кажется, подаетъ меньше поводовъ къ недоразумѣніямъ. Вильгельмъ Вундтъ, въ своей (Физиологической психологіи), повидимому, совершенно присоединяется къ подраздѣленіямъ, сдѣланнымъ Кантомъ.

Психологическая теорія относится къ болѣе позднему времени и, мнѣ кажется, англійскаго происхожденія. Стюартъ Милль, какъ извѣстно, настаивалъ на основаніи особой науки о характерѣ—этологіи, построеніе которой должно было происходить на основаніи общихъ законовъ психологіи.

Бэнъ въ своей книгѣ „Изслѣдованіе характера“, повидимому, стремился дать образчикъ этологіи, отозвавшись на первоначальный починъ Стюарта Милля. Здѣсь не считаю умѣстнымъ останавливаться на этомъ трудѣ, добрая половина котораго посвящена критикѣ френологовъ, которые также посвоему занимались нашимъ предметомъ, ни мало не заботясь о темпераментахъ. Замѣтимъ однако, что Бэнъ высказался исключительно съ психологической точки зрѣнія. Онъ признаетъ только три основныхъ типа: *интеллектуальный, эмоціональный и волевой* (или *инергическій*).

Недавно Перезъ предложилъ новую классификацію характеровъ, основанную на объективныхъ явленіяхъ: *движеніи, быстротѣ и инерціи*. Такимъ образомъ, онъ въ первой линіи отличаетъ: *живые* (подвижные), *медлительные и пылкіе*. Затѣмъ у него слѣдуютъ *смѣшанные* типы, какъ: *пылко-живые, медлительно-пылкіе и уравновѣшанные*.

Поланъ, желая найти основное начало, руководящее образованіемъ характера, сводитъ все къ болѣе общему закону—„систематической ассоціаціи“, т. е. къ способности каждаго элемента желанія, идеи, образа, или представленія вызывать другіе элементы, способные къ ассоціаціи съ ними для общей цѣли. Поланъ, между прочимъ, приводитъ въ довольно подробномъ описаніи тѣ многообразныя формы, которыя такъ часто нами встрѣчаются

въ жизни, и приводить въ защиту своего взгляда не мало примѣровъ.

Фулье изучаетъ отдѣльно темпераменты и характеры и раздѣляетъ послѣдніе на три основные типа: чувствительные, интеллектуальные и волевые, съ многочисленными подраздѣленіями.

Если мы теперь захотимъ на свой рискъ и страхъ вновь взяться за изученіе этого вопроса, то мы должны первымъ долгомъ ясно опредѣлить существенные признаки настоящей индивидуальности, настоящаго характера, и это намъ дастъ возможность не смѣшивать мнимыхъ индивидуальностей и характеровъ съ дѣйствительными. Мнимые типы, хотя и похожи на нихъ, но представляютъ лишь подобіе, тѣнь или призракъ дѣйствительности.

Признаки и классификація характера.

Два основныхъ условія необходимы, и въ то же время достаточны, для образованія характера: *единство и устойчивость*.

Единство состоитъ въ постоянномъ и одинаковомъ всегда дѣйствіи, способѣ дѣйствія и воздѣйствія (реагированія). Въ настоящей индивидуальности всѣ стремленія направлены въ одной цѣли, или, по меньшей мѣрѣ, одно стремленіе подчиняетъ себѣ всѣ остальные.

Если мы взглянемъ на человѣка, какъ на совокупность (сумму) инстинктовъ желаній и потребностей, то увидимъ предъ собою тѣсно связанную группу импульсовъ, дѣйствующихъ въ одномъ и томъ же направленіи.

Устойчивость—это тоже единство, имѣющее за собою свойство продолженности. Если между отдѣльными желаніями имѣющаяся связь не отличается продолжительностію, то она утрачиваетъ всякое значеніе въ дѣлѣ опредѣленія характера. Связь должна быть, или постоянной или возобновляться при одинаковыхъ (аналогичныхъ) обстоятельствахъ, всегда въ одномъ и томъ же видѣ. Отличительнымъ признакомъ настоящаго характера можетъ служить то, что, появляясь въ дѣтствѣ, онъ на всю жизнь остается одинаковымъ; въ такихъ случаяхъ заранѣе можно предсказать то, что означенный субъектъ сдѣлаетъ, и чего онъ не сдѣлаетъ въ тѣхъ или иныхъ обстоятельствахъ, имѣющихъ болѣе или менѣе рѣшающее значеніе. Такого рода характеры (настоящіе), какъ мы это видимъ, бываютъ врожденными.

Такому опредѣленію можно поставить въ упрекъ его слишкомъ большую отвлеченность. Цѣльные, неизмѣнные, строго опредѣленные характеры встрѣчаются, дѣйствительно, довольно таки рѣдко; они тѣмъ не менѣе всетаки встрѣчаются, и мы руководствуемся въ нашихъ сужденіяхъ именно тѣмъ сознательнымъ, болѣе или менѣе яснымъ, представленіемъ о подобномъ типѣ. Въ нашемъ фізіологическомъ, нравственномъ и эстетическомъ представленіи о характерѣ, онъ рисуется намъ, какъ естественная потребность инстинкта стремленія къ идеальной цѣльности, лежащей въ основѣ единства. Намъ бываетъ неприятно встрѣчать противорѣчіе между чьими нибудь убѣжденіями (вѣрованіями) и поступками; какъ ни странно, но намъ неприятно, когда въ завѣдомомъ негодяѣ вдругъ оказывается какая то хорошая черта, какое то качество,—въ хорошемъ человѣкѣ, наоборотъ, насъ раздражаетъ обнаруженіе какой нибудь слабости.

А между тѣмъ, что можетъ быть естественнѣе этого? На театральныхъ подмосткахъ или въ беллетристической литературѣ неопредѣленныя, нецѣльныя натуры въ зритель или въ читатель не возбуждаютъ симпатіи *). Это происходитъ потому, что индивидуальность представляется намъ организмомъ управляемымъ по неумолимымъ законамъ какой то внутренней логики. Мы приписываемъ часто двоюдушію и лицемерію то, что на самомъ дѣлѣ представляетъ собою простой конфликтъ между различными стремленіями. Однимъ изъ главныхъ результатовъ практики современныхъ трудовъ о личности является, что они доказали, что единство—здѣсь не болѣе, какъ идеаль, и что личность можетъ изобиловать даже непримиримыми противорѣчіями, не доходя при этомъ ни до умственной дезорганизаціи, ни до сумасшествія.

Съ такого рода оговорками наше опредѣленіе имѣетъ то преимущество, что предоставляетъ намъ критерій, сильно упрощающій нашу задачу: 1)—очевидно, что среди громаднаго количества людей многіе—и такихъ большинство—не имѣютъ въ себѣ ни единства, ни устойчивости, ни какого бы то ни было особаго имъ однимъ свойственнаго, индивидуальнаго склада мысли или отпечатка. Я раздѣляю

*) Реалистамъ новѣйшей школы ставятъ въ упрекъ нелюбовь, обнаруживаемую къ герою или къ героинѣ романа, драмы, или трагедіи. Эту «нелюбовь» близорукіе критики видятъ въ тѣхъ недостаткахъ, которые въ качествѣ противорѣчія съ прекрасными положительными данными, выводимаго типа, находятся какъ бы въ противорѣчіи. Эти критики забываютъ, что задача реализма—правда. Но, называя подобныхъ писателей протокол-листами, они указываютъ на то, что задача искусства—облагораживаніе человѣчества обрисованіемъ абсолютныхъ величинъ положительнаго или отрицательнаго свойства. Прим. пер.

это безчисленное количество безличныхъ индивидовъ на двѣ категоріи: первыхъ—называю *аморфными*, вторыхъ—*неустойчивыми*.

Имя *аморфнымъ*—легионъ. Подъ этой категоріей я разумѣю тѣхъ индивидовъ, которые не имѣютъ своей особой формы, характеры которыхъ приобрѣтены. Въ такихъ лицахъ нѣтъ ничего врожденнаго, ничего похожего на особое призваніе, словомъ—природа ихъ создала до крайности податливыми. Лица *аморфнаго* свойства являются исключительно продуктомъ, какъ обстоятельствъ, такъ равно и воспитанія, вліянія окружающей среды (людей, предметовъ). Такія лица не имѣютъ сами по себѣ ни опредѣленныхъ желаній, ни дѣйствія—за нихъ желаютъ и дѣйствуютъ другіе, а за неимѣніемъ другого лица—общественная среда.

Они являются какъ-бы не голосомъ, а лишь эхомъ, становясь такими или иными смотря по обстоятельствамъ. Вопросъ о ихъ профессіи—дѣло случая, равно какъ и ихъ женитьба и все остальное. Но разъ уже попавъ въ колею, они живутъ точно также *какъ и всѣ* ихъ окружающіе. Такіе характеры не имѣютъ индивидуальности, ихъ можно называть видовыми, профессиональными, это безчисленные копии съ существовавшего когда-то оригинала. Существуетъ убѣжденіе, что выработка подобныхъ типовъ—дѣло цивилизаціи, и что, благодаря ей, ихъ такъ много, но это вѣрно лишь отчасти. Безъ сомнѣнія, высшая культура сглаживаетъ угловатости характера, и, что возвышая однихъ, въ то же время принижаетъ другихъ, стремясь къ общему уравниенію. Но, однако, не нужно забывать, что на противоположномъ концѣ, т. е. въ дикомъ состояніи—существуютъ только племена, со своими инертными нравами, обрядами, обычаями, строго удер-

живающіе разъ установленныя традиціи, ставшія у нихъ безъапелляціоннымъ автократомъ-диктаторомъ. Вотъ этотъ безграничный деспотизмъ, диктатура, недопускающіе ни обсужденій, ни нарушеній, а тѣмъ паче нововведеній,—вотъ что давить культуру человѣчества тяжестью сугубой инерціи.

Ломброзо не безъ основанія называетъ такое днѣеое состояніе *мизонейзмомъ*, исключаяющимъ возможность культурнаго прогресса; такого рода состояніе общества не оказываетъ никакого содѣйствія для индивидуальнаго развитія, подобно тому, какъ мы это видимъ въ цивилизованныхъ странахъ *).

*) Возвращаясь къ неустанной работѣ, которукъ вершитъ культура въ цивилизованныхъ странахъ, мы, какъ уже выше замѣчено, невольно сталкиваемся съ насильственнымъ уравненіемъ человѣческихъ способностей и дарованій, *Царство посредственности* въ области науки, искусства и техники—не болѣе, какъ результатъ непрерывной работы культуры, желанная цѣль социализма новѣйшей формаціи.

Слѣдуетъ напомнить читателю романъ, съ тенденціозною социалистическою подкладкою недавно скончавшагося доктора Беллами. Проведенная этимъ авторомъ система уравненія человѣчества, какъ извѣстно, на общую посредственность возлагаетъ надежды, какъ на мировое спасеніе, идеаль человѣчества грядущихъ вѣковъ.

Белламизмъ, вызвавшій въ свѣтъ цѣлую литературу, равно какъ и массу полемическихъ статей критическаго свойства, призванъ и въ дѣйствительности играть извѣстную культурную роль, хотя бы и въ отрицательномъ смыслѣ.

Эпоха создаетъ людей, ей необходимыхъ, для прогресса въ смыслѣ совершенствованія человѣчества. Белламизмъ потому и не выдерживаетъ критики, что краеугольнымъ камнемъ этой теоріи является предвзятый взглядъ на степень совершенства въ смыслѣ культуры, какая должна предполагаться *въ человечествѣ будущаго*. Но такъ какъ абсолютизма въ дѣлѣ культурнаго совершенствованія человѣчества уже принципиально невозможно допустить, а при прогрессіи, выведенный Беллами общественный строй, оказался-бы немислимымъ, то и вся теорія

Неустойчивые представляют собою образовавшуюся цивилизацію накипь и отбросы. Можно смѣло обвинить цивилизацію въ размноженіи подобнаго рода типовъ. Являясь полной противоположностью нашему опредѣленію, они не имѣютъ ни единства, ни постоянства. Они отличаются перемѣнчивостью и непропорціональностью реакцій; то вспыхиваютъ, то остаются инертными, всегда капризны и ежеминутно мѣняются. Главная ихъ особенность состоитъ въ томъ, что они дѣйствуютъ въ различныхъ обстоятельствахъ одинаково, а въ тождественныхъ различно; однимъ словомъ, обладаютъ полной неопредѣльностью. Къ этимъ болѣзненнымъ формамъ, выражающимъ попытки достигнуть связности, согласія и единства стремленій и желаній—мы еще вернемся въ слѣдующей главѣ.

Если мы отбросимъ эти двѣ категоріи, однихъ, потому, что они продуктъ среды, другихъ въ слѣдствіи того, что они какъ бы являются безсвязнымъ пучкомъ почти безличныхъ влеченій—у насъ оста-

окаывается одной изъ тѣхъ утопій, какими полна наша социалистическая литература.

Всегда общество нуждалось въ руководителяхъ-вожакахъ. Не отрицая факта, что каждая эпоха рождала нужныхъ ей людей, необходимые для культурнаго процвѣтанія характеры и типы, мы склонны утверждать, что и въ грядущихъ вѣкахъ человечество для прогрессивнаго совершенствованія (а такое несомнѣнно должно имѣть мѣсто) будетъ и впредь нуждаться въ интеллектуальныхъ вожакахъ.

Чѣмъ ниже общественный уровень, тѣмъ рѣже выдѣляются эти міровые характеры, достигающіе, особаго рельефа въ моменты народныхъ движеній. Исторія намъ доказываетъ, что наиболѣе благоприятные періоды для появленія цѣльныхъ характеровъ—были періоды полу-цивилизированные, какъ первые вѣка римской республики или средніе вѣка, эпохи волненій, примѣромъ которыхъ можетъ служить эпоха итальянскаго возрожденія и, вообще, всѣ времена революціи.

нутя существующіе „сами по себѣ“, характеры. Ихъ-то мы и должны попытаться классифицировать. Какъ всякая хорошо составленная систематическая классификація, такъ и наша должна постепенно спускаться отъ общаго къ частному. Въ ней должно опредѣлить роды, виды, разновидности, и такимъ образомъ дойти и до самаго индивида. Теорія четырехъ темпераментовъ имѣетъ тотъ недостатокъ, что она очень обща: не имѣя среднихъ, промежуточныхъ дѣленій, приводящихъ ея къ индивиду, она какъ-бы виситъ въ воздухѣ. Она, кромѣ родовъ, ничего не опредѣляетъ.

Нѣкоторые авторы, новидимому, обратили вниманіе на этотъ пробѣлъ и ввели въ свои сочиненія также и *смѣшанные* характеры, но въ этомъ спорномъ вопросѣ, какъ въ смыслѣ описуемыхъ характеровъ, авторы оказывались нерѣдко въ противорѣчій. Въ нижеприведенной попыткѣ классификаціи мы найдемъ четыре, болѣе или менѣе опредѣленные, ступени, отличающіяся специфическими менѣе и менѣе общими признаками.

На первой ступени стоятъ такъ называемыя *общія условія*, какъ-бы рамки, лишеныя всякаго содержанія и не похожія ни на какую дѣйствительность — вродѣ зоологическихъ и ботаническихъ „родовъ“.

На второй, аналогичной „видамъ“, находятся уже *чистые*, (основные) типы характера — (*formes pures*). Это формы реальныя, существованіе которыхъ уже можно доказать или провѣрить опытомъ.

На третьей ступени помѣщаются формы *смѣшанныя* (или сложныя), — аналогичныя разновидностямъ и менѣе рѣзко очерченныя, чѣмъ предъидущія.

Четвертую ступень занимаетъ, замѣняющій многимъ людямъ, являющійся какъ-бы эквивалентомъ,

частичный характеръ. Подобныя формы все болѣе и болѣе отдаляются отъ чистаго типа.

Черты характера.

Начнемъ прежде всего съ того, что намѣтимъ самыя общія условія опредѣленія характера, ихъ направленія и господствующія черты. Я говорю „господствующія“, такъ какъ имѣю въ виду такого рода черты, которыя на видъ налагаютъ вполне ясный и специфическій отпечатокъ.

Психическая жизнь сводится, говоря съ общей точки зрѣнія, къ двумъ основнымъ проявленіямъ: къ чувствованію и дѣйствию. Вотъ происхожденіе тѣхъ двухъ главныхъ группъ характеровъ, обозначаемыхъ названіями 1) чувствительные—2) дѣятельные характеры. (*les sensitifs et les actifs*).

1. *Чувствительные характеры*, которые можно было-бы съ одинаковымъ правомъ назвать аффективными или эмоціональными, отличаются преобладаніемъ чувствительности. Впечатлительные до крайности, они похожи на вѣчно вибрирующія струны инструмента и живутъ преимущественно внутреннею жизнью. Переходя къ фізіологическому разбору или, вѣрнѣе, рассматривая фізіологическую подкладку этого рода характеровъ, мы сталкиваемся съ необычайной трудностью въ смыслѣ точнаго опредѣленія. Если мы примемъ въ основаніе нашего разбора такого рода положеніе, что внутреннія, органическія ощущенія составляютъ главный источникъ аффективнаго развитія, точно также, какъ внѣшнія ощущенія собою являютъ источникъ интеллектуальнаго развитія, то, имѣя въ виду чувствительные

характеры, мы должны будемъ признать, что въ данномъ случаѣ фізіологическое равновѣсіе нарушается въ пользу органическихъ ощущеній, зависящихъ отъ растительной жизни, и это кажется мнѣ несомнѣннымъ.

Нарушеніе равновѣсія выражается въ крайней воспріимчивости нервной системы. Это своего рода нравственная гиперестезія (перераздраженіе), и здоровыми подобныхъ лицъ назвать нельзя. Къ тому же ихъ воспріимчивость не въ одинаковой степени интенсивна къ пріятнымъ или непріятнымъ впечатлѣніямъ. Въ этомъ классѣ людей преобладаютъ пессимисты. Они являются по истинѣ вѣчными страдальцами. Опытъ, старый какъ міръ, доказываетъ намъ, что люди этого типа сильнѣе страдаютъ отъ каждаго мелкаго горя, чѣмъ всѣ остал ные люди вообще, но въ то же время несчастіе подобныхъ характеровъ усугубляется почти полнымъ отсутствіемъ лучезарныхъ радостныхъ моментовъ жизни, такъ какъ ихъ болѣзненный пессимизмъ eo ipso отнимаетъ у нихъ способность наслаждаться радостію бытія, даже въ счастливые моменты ихъ жизни. Эти лица вѣчно безпокойны, робки, боязливы, вдумчивы и сосредоточенны. Не выходя за предѣлы общихъ понятій, мы не можемъ болѣе точно охарактеризовать ихъ въ настоящее время, довольствуясь вышеупомянутыми, признаюсь очень неопредѣленными, выраженіями.

2. *Дѣятельные характеры* отличаются естественно и безпрестанно возобновляющимся, стремленіемъ къ дѣйствию. Это ихъ доминирующая (господствующая) черта. Они въ этомъ отношеніи уподобляются машинамъ, постоянно находящимся въ движеніи. Эти люди главнымъ образомъ проявляютъ свою дѣятельность внѣшнимъ дѣйствиемъ.

Подобные характеры физиологическимъ образомъ объясняются богатымъ запасомъ энергіи, силою воли,—словомъ, у нихъ замѣчается тотъ избытокъ жизненныхъ силъ, который Бэпъ называетъ самопроизвольностью. Такого рода отличительныя черты дѣятельныхъ характеровъ, рѣзко отличаютъ ихъ отъ такъ называемыхъ неустойчивыхъ натуръ, склонныхъ къ порывистой, перемежающейся дѣятельности. Въ общемъ замѣчено, что дѣятельные характеры чаще всего проявляются у лицъ, организмъ которыхъ находится въ состояніи хорошаго питанія. Чувствуя себя достаточно сильными для борьбы съ препятствіями и для побѣды надъ ними, а также получая отъ подобной борьбы даже удовольствіе, эти характеры, въ своей чистой формѣ являются обыкновенно оптимистами.

Отважные, веселые, предприимчивые *) дерзкіе,

*) Безспорно, что большинство міровыхъ геніальныхъ людей должно было отличаться именно дѣятельнымъ характеромъ. Такія лица какъ Гете, Кантъ, Спенсеръ, Дарвинъ, Ньютонъ, Эдисонъ, Пастеръ, Ренанъ и Вольтеръ, конечно, не могли быть бездѣятельными людьми, неустойчивыми въ своихъ начинаніяхъ. Изъ этого слѣдуетъ, что однимъ и, быть можетъ, главнымъ условіемъ блестящаго преуспѣванія въ жизни является дѣятельный характеръ. Шарко однажды заявилъ съ кафедры, что люди рождаются на свѣтъ богатыми или бѣдными, или людьми средняго достатка. Этотъ парадоксъ знаменитый психіатръ пояснилъ слѣдующимъ образомъ: только въ здоровомъ тѣлѣ, свободномъ отъ болѣзненныхъ предрасположеній, можетъ образоваться дѣятельный характеръ. Только онъ можетъ привести человѣка къ тому успѣху въ жизни, который является залогомъ полезности обществу. Сознаніе этого человѣку даетъ то нравственное удовлетвореніе, которое столь необходимо для личнаго счастья, а наличность полезности и примѣнимости и устойчивости въ борьбѣ за существованіе создаетъ, въ зависимости отъ степени этихъ способностей большее или меньшее жизненное благополучіе и богатство.

смѣлые—такова ихъ характеристика въ главныхъ чертахъ.

Физиологъ Шнейдеръ въ одной изъ своихъ статей по зоологической психологіи пытается доказать, что всѣ спеціальныя движенія высшихъ животныхъ собою являютъ дифференціацію двухъ простыхъ и первоначальныхъ движеній: сокращенія и расширенія, но не болѣе. Источникомъ всѣхъ импульсовъ и реакцій—являющимися лишь актами, имѣющими цѣлью самохраненіе у животнаго, представляетъ собою въ то же время стремленіе къ сокращенію. Стремленіе къ расширенію выражается въ наступательныхъ влеченіяхъ и инстинктахъ: питанія, борьбѣ, захватѣ самки и т. д. Противуположность между чувствительными и дѣятельными характерами сводится также и къ этому основному контрасту между стремленіемъ къ внутренней жизни у нервыхъ и къ внѣшней жизни у послѣднихъ.

Но свести всѣ характеры къ двумъ преобладающимъ классамъ еще не достаточно. Конечно, ограничиваясь однимъ теоретическимъ построеніемъ, можно сказать, что чувствомъ и дѣйствіемъ исчерпывается все; но наблюденіе доказываетъ необходимость въ установленіи еще третьяго класса—класса *апатичныхъ*. Этотъ классъ въ физиологіи приблизительно соотвѣтствуетъ лимфатическому temperamentу. Общія характерныя черты его очень ясно выражены, въ смыслѣ пониженія чувствительности и состоянія дѣятельности ниже средняго уровня.

Итакъ, мы видимъ, что два предъидущихъ класса располагаютъ положительными свойствами, тогда какъ апатичные—третій классъ, отличаются вполне реальными отрицательными свойствами. Не нужно смѣшивать апатичные характеры съ аморфными; первые бываютъ врожденными, вторые—пріобрѣ-

тенными. Отличительною чертою апатичныхъ характеровъ, въ чистой формѣ, является инертность. Податливость характера аморфнаго въ немъ отсутствуетъ, и на него трудно вліять. Чувство не достигаешь въ немъ, достаточной для дѣйствія, силы. Онъ не обладаетъ въ одно и то же время ни оптимизмомъ, ни пессимизмомъ, слѣдовательно, въ этомъ отношеніи онъ безразличенъ. Беззаботный, лѣнивый, сонный и инертный—вотъ эпитеты, его обрисовывающіе. Физиологической основой этого характера служитъ, уже много разъ описанная, лимфатическая организація: усиленіе движеній лимфы, пониженіе нервного *тонуса*, по мнѣнію однихъ; ослабленіе кровообращенія,—по мнѣнію другихъ. Но было-бы ошибочно думать однако, что этотъ типъ представляетъ собою бесплодную почву, на которой ничего не произрастаетъ. Если прибавить къ сказанному еще одинъ элементъ, намѣренно оставленный нами въ сторонѣ,—умъ, то апатичный характеръ станетъ рельефнѣе, какъ это мы увидимъ ниже.

Вопросъ остается открытымъ относительно четвертаго класса, такъ называемыхъ, *умѣренныхъ*; должны-ли мы ихъ ввести въ качествѣ третьяго класса, руководясь самымъ основнымъ, самымъ общимъ дѣленіемъ при опредѣленіи родовъ. Разбирая каждый классъ въ отдѣльности, въ смыслѣ степеней преобладанія въ немъ чувства, дѣйствія или атакіи, слѣдовало-бы сдѣлать еще одно дополненіе, а именно опредѣлить состояніе полного равновѣсія между чувствительностію и дѣйствіемъ. Такого рода типъ бесспорно существуетъ, но основаніемъ я его не считаю; эта форма смѣшанная, сложная, къ изученію которой мы перейдемъ впоследствии.

Не слѣдуетъ забывать, что: всякій характеръ представляетъ собою или гипертрофію или атрофію;

„совершенно уравновѣшенный“ характеръ существуетъ только въ идеалѣ, какъ *temperamentum temperatum* физиологовъ, или же приближается къ такъ называемымъ аморфнымъ.

Виды характера.

Въ предъидущей главѣ мы рассмотрѣли черты характера въ смыслѣ разныхъ его родовъ; мы старались разобрать эти роды, подчинивъ ихъ наиболѣе общей классификаціи; теперь же мы отъ родовъ перейдемъ къ видамъ. Поэтому на сцену долженъ выступить новый факторъ—интеллектуальныя свойства.

Какъ извѣстно, терминъ „чувствованіе“ прилагается къ двумъ различнымъ между собой, хотя и вначалѣ сливающимся, психическимъ проявленіямъ: къ состоянію аффекта и къ представленіямъ. Мы имѣли до сихъ поръ при употребленіи этого термина только состоянія аффективныя, потому что только они вмѣстѣ съ движеніями являются первичными въ образованіи характера. Изъ нихъ образуется первая глубокая основа, интеллектуальныя свойства представляютъ изъ себя уже послѣдующее наслоеніе. Инстинкты, стремленія, влеченія, желанія, чувства—только они служатъ первичнымъ элементомъ характера. Самымъ простымъ наблюденіемъ фактъ этотъ дѣлается столь очевиднымъ, что на него не стоило-бы останавливать вниманія; по большинство психологовъ, благодаря своимъ интеллектуальнымъ предразсудкамъ, т. е. стараясь свести все къ интеллекту, объяснить имъ все, выставивъ—какъ не производный типъ духовной жизни—совер-

шенно запутали этотъ вопросъ. Подобный взглядъ не выдерживаетъ критики: примѣромъ можетъ служить то, что какъ фізіологически растительная жизнь предшествуетъ жизни животной, опирающейся на нее — такъ и психологически аффе́ктивная жизнь предшествуетъ и служитъ опорой для жизни интеллектуальной. Въ основѣ каждаго животнаго лежитъ „воля“ — какъ говоритъ Шопенгауеръ, и „влеченіе“ по Спинозы, т. е. дѣйствіе и чувствованіе, а не мысль. Этотъ вопросъ требуетъ слишкомъ пространнаго разсужденія, а потому, не желая останавливаться на немъ, я оставляю его, не по недостатку доказательствъ, а вслѣдствіи ихъ избытка.

Попытаемся, не выходя изъ предѣловъ нашего предмета, сдѣлать нѣсколько существенныхъ замѣчаній. Характеръ можетъ слагаться только изъ элементовъ чисто субъективныхъ, и тѣмъ служить выраженіемъ самой глубокой внутренней жизни индивида. Этихъ элементовъ искать въ свойствахъ интеллектуальныхъ мы не можемъ, такъ какъ интеллектъ, въ восходящей своей эволюціи, отъ ощущеній къ воспріятіямъ, образамъ и концептамъ все болѣе и болѣе обезличивается.

Слишкомъ же сильное умственное развитіе, какъ это доказываетъ множество примѣровъ, часто ведетъ за собой атрофію характера *), — изъ этого

*) Въ главѣ «Виды характера» Рибо указываетъ на слишкомъ сильное умственное развитіе, влекущее за собою атрофію характера. Авторъ обвиняетъ въ этомъ абстракцію, т. е. извѣстную замкнутость, въ сферѣ чистаго умозрѣнія. Приводя рядъ примѣровъ среди выдающихся умовъ, авторъ находитъ свой взглядъ научно обоснованнымъ, однако и выдающіеся примѣры

ясно видна независимость развитія ума отъ развитія характера. Великіе умы своего рода абстракціи, т. е. замкнутые въ сферѣ чистаго умозрѣнія,—они стремятся свести даже вседневную жизнь къ извѣстному шаблону, подсказываемой умомъ рутинѣ; при такого рода условіи жизни, само собою разумѣет-

не могутъ насъ убѣдить въ такомъ взглядѣ на великіе умы. Начиная съ того, что величіе этихъ людей уже само собою указываетъ на наличность основныхъ чертъ характера: *единство и устойчивость*. Если единство идейное или въ смыслѣ цѣли, взглядовъ, понятій, надеждъ и упованій, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, сосредоточеннаго размышленія, историческихъ событій или просто внезапнаго просвѣтленія и уразумѣнія *измѣнится*, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы отсутствовало принципиальное единство натуры; наконецъ, какъ самъ авторъ признаетъ, что ничтожныя уклоненія не даютъ еще намъ права считать натуру принципиально не установленной или лишенной единства. Великіе умы, въ силу своего необычайнаго яснаго умозрѣнія, чужды предразсудковъ и предвзятости, почему сообразно съ тѣми или иными явленіями и фактами, измѣняютъ цѣлесообразнымъ образомъ, какъ свои взгляды, такъ равно и свои дѣйствія. Что касается втораго специфическаго свойства характера—*устойчивости*, то самыя одаренныя натуры безъ этого свойства не приобрѣли-бы никогда славы великихъ умовъ. Атрофію отдѣльныхъ сторонъ нашего интеллекта трудно допустить въ выдающихся великихъ людяхъ, по крайней мѣрѣ, въ періодѣ расцвѣта ихъ геніальности. Такое болѣзненное состояніе можетъ быть лишь послѣдствіемъ односторонняго умственного или нравственнаго напряженія, къ какимъ приводитъ чрезмѣрное и долго продолжающаяся специализація. Но даже философы, и тѣ не могутъ представлять собою абстракцій, такъ какъ чрезмѣрная замкнутость исключаетъ возможность рациональныхъ обобщеній, способныхъ выдержать опытъ практическаго примѣненія. Степень примѣнимости возводимыхъ теоремъ, какъ извѣстно, служитъ мѣриломъ достоинства философскаго труда, а потому замкнутость, сомкнутость, должна представить мыслителю почти непреодолимые препятствія при созданіи разумныхъ теоремъ.

ся, что всякое эмоциональное, страстное и непредвидѣнное дѣйствіе не находитъ себѣ мѣста. (Кантъ, Ньютонъ, Гаусъ и многіе другіе могутъ служить этому иллюстраціей).

Шопенгауеръ совершенно справедливо замѣчаетъ, что гениальные люди собой представляютъ уродовъ отъ избытка ума, т. е. отъ гипертрофіи умственныхъ способностей. Если нормальный человѣкъ, продолжаетъ онъ, состоитъ изъ $\frac{2}{3}$ воли и $\frac{1}{3}$ изъ интеллекта, то въ гениальномъ человѣкѣ эта пропорція видоизмѣняется, и въ немъ находится $\frac{2}{3}$ интеллекта и $\frac{1}{3}$ воли.

Существуетъ, какъ извѣстно, и въ данномъ случаѣ выдающіяся исключенія, но они вовсе не противорѣчатъ вышесказанному; напротивъ, эти исключенія не доказываютъ, что развитіе ума способствуетъ усиленію характера, а только констатируютъ тотъ фактъ, что у *нѣкоторыхъ* лицъ сила ума не задерживаетъ или не препятствуетъ развитію характера.

Нигдѣ и ни въ комъ не встрѣчаются въ такомъ сильномъ противорѣчій слова и дѣла, какъ въ гениальныхъ людяхъ. Ломброзо причисляя гениальныхъ людей къ патологическимъ явленіямъ не совсѣмъ былъ не правъ. Выдающіеся умы и творческій гений настолько поглощены своей внутренней нравственной работой, что ихъ волевые индукторы невольно должны терпѣть ущербъ, ибо трудъ въ томъ или въ другою направленіи, постоянно напряженный, отвлекаетъ отъ другихъ близъ лежащихъ органовъ, нервныхъ узловъ, кровеносныхъ сосудовъ, извѣстное количество крови, словомъ, дѣйствуя въ ущербъ другимъ отправлениямъ. Если Шопенгауеръ высказываетъ взглядъ о такой переиѣ пропорціи интеллекта и воли, то къ этому слѣдуетъ прибав-

вить, что въ виду крайней первой напряженности геніальныхъ умовъ, эта пропорція интеллекта и воли, постоянно измѣняется.

Противорѣчіе, замѣченное въ выдающихся по уму людяхъ, согласно ежедневнымъ наблюденіямъ, показываетъ намъ, что такіе люди думаютъ такъ, а дѣйствуютъ иначе; пишутъ прекрасные трактаты о нравственности и не выполняютъ ихъ на дѣлѣ; проповѣдуютъ активную дѣятельность, а сами остаются сидѣть сложа руки; обладая очень нѣжнымъ сердцемъ, въ то-же время строятъ въ своемъ воображеніи планы чуть ли не всеобщаго разрушенія.

Умъ такимъ образомъ не представляетъ собою основного элемента характера. Онъ собою являетъ только какъ-бы свѣтъ, но не жизнь, а слѣдовательно и не дѣятельность. Характеръ лежитъ въ безсознательномъ, т. е. индивидуальномъ организмѣ, вотъ причина, почему такъ трудно понять его, а еще труднѣе измѣнить. Складъ ума на образованіе характера имѣетъ лишь косвенное побочное вліяніе. Но теперь рассмотримъ каковъ тотъ механизмъ, съ помощью котораго проявляется это вліяніе ума на характеръ.

Намъ извѣстно, на примѣръ, что различныя эмоціи (какъ: гнѣвъ, любовь, презрѣніе, страхъ и т. д.) отражаются въ различныхъ самопроизвольныхъ движеніяхъ и позахъ, которыя и составляютъ ихъ естественное выраженіе. Итакъ эмоція является причиной, слѣдствіемъ же—движеніе. Не всѣмъ извѣстно, что, искусственно сдѣланныя извѣстныя движенія и позы, могутъ, хотя и въ болѣе слабой степени—вызвать эмоціи, имъ соотвѣтственныя. На примѣръ принявъ на нѣкоторое время печальную позу, можно почувствовать, какъ нами овладѣваетъ печаль. Присоединясь къ веселому обществу, и подражая

его ви́шнимъ приемамъ, можно вызвать въ себѣ мимолетное веселье. Если придать рукѣ загнипоти- зированнаго человѣка положеніе угрожающее, съ сжатымъ кулакомъ,—то дополненіемъ къ этому са- мо собой является соотвѣтственное положеніе лица и движеніе другихъ частей тѣла. Тоже самое мож- но видѣть съ выраженіями любви, презрѣнія, мо- литвы и т. д. Здѣсь причиною является движеніе, а слѣдствіемъ—эмоція. Эти оба случая можно све- сти къ одной формулѣ: что существуетъ неразрывная ассоціація между извѣстными движеніями и соот- вѣствующими имъ эмоціями.

Движенія вызываютъ эмоцію, а эмоція вызываетъ движенія, съ той лишь существенной разницей, что движенія могутъ вызывать эмоцію не всегда, даже въ томъ случаѣ, когда это и бываетъ, то они вызы- ваютъ состоянія только слабыя и неустойчивыя. Слѣдовательно, дѣйствіе, направленное снаружѣ и внутрь, всегда слабѣе дѣйствія, производимаго из-нутри наружу.

Между аффективными и интеллектуальными склон- ностями въ различныхъ проявленіяхъ характера управляетъ тотъ же самый психологическій законъ.

Вліяніе чувствъ на идеи можно назвать дѣй- ствіемъ, идущимъ снизу вверхъ, а вліяніе идей на чувство—сверху внизъ идущимъ. (Это не болѣе, какъ условная форма для взаимнаго пониманія—простая метафора).

Снизу вверхъ идущее дѣйствіе отличается проч- ностью, упорностью, энергіею, плодотворностью и продолжительностью. Сила его заключается въ немъ самомъ, онъ ее получаетъ въ области безсознатель- наго т. е. въ самой организаціи. Сознаніе бросаетъ на него лишь свѣтъ. Такъ, напримѣръ, въ сознаніи опредѣлившійся голодъ, могущій довести до воров-

ства, убійства и другихъ крайностей, является вначалѣ лишь смутнымъ чувствомъ недомоганія организма.

Тоже самое можно наблюдать и въ другихъ состояніяхъ организма, когда выражающее собою неопредѣленное смутное желаніе—выливается въ форму любви къ опредѣленному существу и наконецъ можетъ тоже разразиться грозою. Относительно всѣхъ другихъ страстей можно сказать тоже самое; перечислить же ихъ было-бы совершенно лишнимъ.

Простыя и сложныя, онѣ всегда проходятъ черезъ одну и ту-же эволюцію.

Всѣ призванія, какъ религіозныя, нравственныя или эстетическія проходятъ сперва періодъ скрытаго подготовленія, періодъ обнаруживанія и наконецъ періодъ дѣйствія.

Наоборотъ, дѣйствіе сверху внизъ является непостояннымъ, какъ бы измѣнчивымъ, мерцающимъ, слабымъ съ сомнительными результатами. Сила его заимствована извнѣ. Психологическая, а часто и педагогическая цѣль заключается въ томъ, чтобы вызвать извѣстныя интеллектуальныя состоянія, извѣстные идеи-образы, которые бы вызвали въ свою очередь, если возможно, и соотвѣтственныя чувства *). Вліяніе бываетъ здѣсь посредственнымъ, косвеннымъ и часто оказывается ничтожнымъ или неудачнымъ

*) Говори о педагогической цѣли извѣстныхъ интеллектуальныхъ состояній, которыхъ, по словамъ автора, можно вызвать, и такимъ образомъ создать соотвѣтствующія чувства необходимыя для намѣченной цѣли. Въ этомъ отношеніи читателямъ можетъ показаться неяснымъ способъ подобнаго педагогическаго вліянія, почему въ видѣ разъясненія я считаю нужнымъ въ дополненіе посовѣтовать прочесть сочиненіе Пей о «Самовоспитаніи воли», представляющее богатый матеріалъ конкретнаго свойства.

по результатамъ. Мы здѣсь имѣемъ дѣло съ чисто-интеллектуальною чувствительностію, и кто не знаетъ, что страсть интеллектуальная не болѣе, какъ призракъ, легко и быстро вытѣсняющійся настоящей страстью?

Въ заключеніе скажемъ, что вліяніе эмоцій на движенія похоже на дѣйствіе чувствованій на идеи, а вліяніе движеній на эмоціи напоминаетъ дѣйствіе идеи—на чувствованіе.

Выразивъ такимъ образомъ въ нѣсколькихъ словахъ ту поверхностную и второстепенную роль, какую играетъ въ образованіи характера умъ,—вернемся нѣсколько назадъ—къ нашей классификаціи.

Теперь мы имѣемъ дѣло съ реальными индивидами, которые обладаютъ энергіей, чувствительностію и умомъ, въ неравной пропорціи.

Обратимся вновь къ нашимъ тремъ подраздѣленіямъ, которыя до сихъ поръ оставались пустыми рамками, и постараемся замѣстить ихъ реальнымъ содержаніемъ.

Характеры чувствительные.

Въ этой родовой группѣ я различаю три основные вида; рассмотримъ ихъ отъ простаго къ сложному, и, постепенно удаляясь отъ чистаго типа, обратимся къ смѣшаннымъ характерамъ.

1) Перваго вида я не могу привести ни одного изъ извѣстныхъ примѣровъ. Къ нему относятся характеры *смирные* (*les humbles*); составными элементами ихъ служатъ: ограниченный или посредственный умъ, отсутствіе энергіи, преувеличенная чувствительность. Такіе типы извѣстны всякому—

они часто встрѣчаются въ жизни. Робость является господствующей въ нихъ нотой, постоянно чувствуютъ страхъ и вообще способны чувствованія у нихъ какъ бы парализованы.

Они, подобно зайцу Лафонтена, постоянно живутъ въ страхѣ, въ вѣчномъ безпокойствѣ, боясь за себя, за свою семью, за ничтожное съ трудомъ достигнутое мѣсто, или за свою ничтожную торговлю, за настоящее, за будущее... Заботятся о мнѣннн всѣхъ, даже первыхъ встрѣчныхъ, которыхъ второй разъ и не увидятъ. Вѣчно дрожа за свою безопасность, какъ въ будущемъ, такъ равно и въ настоящемъ, они чувствуютъ себя какимъ то ничтожествомъ, среди давящаго ихъ воображаемой тяжести социальнаго организма, котораго они даже не могутъ и понять. Ихъ потрясаетъ всякая легкая неудача, и они вполне ясно сознаютъ всю свою слабость, неспособность къ дѣйствию и отсутствіе къ себѣ всякой инициативы.

Подъ этимъ портретомъ всякій можетъ подписать какуюнибудь фамилію, но историческаго примѣра я не могу привести ни одного, именно благодаря пониженности и скромности этого типа. Оставляя въ сторонѣ всѣ патологическіе случаи, я только замѣчу для поясненія, что ипохондрики большею частью принадлежатъ къ этому типу, но мы видимъ его въ нихъ только въ увеличенномъ размѣрѣ.

2) Видъ второй обнимаетъ характеры *созерцательные*, (*les contemplatifs*), отличаются они отъ первыхъ большимъ развитіемъ ума. Составные элементы ихъ можно опредѣлить слѣдующимъ образомъ: очень сильная чувствительность, пронизательный и острый умъ и отсутствіе активной энергіи.

Въ эту категорію я помѣщаю довольно много разновидностей, имѣющихъ между собою большое

сходство, такъ какъ всѣ они характеризуются выше-сказанными чертами.

Сюда относятся:

а) Нерѣшительные, подобно Гамлету; они много думаютъ и не могутъ перейти къ дѣйствию.

б) Нѣкоторые мистики, но не тѣ великіе мистивидѣтели, о которыхъ мы поговоримъ ниже, а чистые адепты внутренней жизни, которые во всѣ времена встрѣчаются, какъ и во всѣхъ странахъ (йоги индійскіе, суфи персидскіе, терапевты и монахи всѣхъ вѣроисповѣданій); они вѣчно погружены въ блаженное созерцаніе, ничего не пишутъ, ничего не основываютъ, и, согласно своему идеалу, не оставляютъ по себѣ никакихъ слѣдовъ.

в) Аналитики въ чисто субъективномъ смыслѣ слова, т. е. люди тщательно и усердно себя анализирующіе, ведущіе „дневникъ“, гдѣ часъ за часомъ отмѣчаютъ всѣ мелкія перемѣны въ ихъ внутренней жизни, а также всѣ мелкія колебанія настроенія, въ зависимости отъ атмосферныхъ вліяній. Таковъ Мэнъ де Бирапъ среди психологовъ, Альфіери среди поэтовъ. Впрочемъ, зачѣмъ приводитъ имена, когда въ наше время подъ вліяніемъ слишкомъ сильнаго нервнаго возбужденія, интеллектуальной утонченности и расслабленія воли, эта манія самоанализа сдѣлалась настоящей болѣзнью? Кромѣ того замѣтимъ, что эта категорія чувствительныхъ почти всегда отличается пессимизмомъ.

3) Теперь остается третій видъ, заключающій въ себѣ характеры, которые я назову *эмоціональными* въ тѣсномъ смыслѣ (а не въ широкомъ смыслѣ Бэна, который возводитъ ихъ въ классъ). Чувствительный типъ въ этой категоріи достигаетъ своего апогея и въ ней можно насчитать не мало великихъ именъ. Здѣсь къ крайней впечатлительности

и интеллектуальной утонченности созерцательныхъ характеровъ присоединяется положительная дѣятельность. Эта дѣятельность имѣетъ особый, свойственный ей, признакъ: она проявляется перемежающимся и иногда спазматическимъ образомъ, такъ какъ вытекаетъ изъ сильной эмоціи, а не изъ постоянного запаса энергіи. Бэнъ говоритъ:—чисто эмоціоначальному характеру свойственна бездѣятельность. Хотя это кажется парадоксомъ, но въ сущности совершенно справедливо. Характеръ такого рода дѣйствуетъ только подъ минутнымъ вліяніемъ какихъ нибудь сильныхъ мотивовъ, а затѣмъ снова впадаетъ въ бездѣйствіе, природѣ его свойственное. Другими словами, это смѣна бурной энергіи и внезапнаго упадка.

Къ этой группѣ можно причислить много великихъ артистовъ, какъ поэты, музыканты, и художники. Когда ими руководитъ безсознательная сила, т. е. вдохновеніе, они бывають способны къ лихорадочной работѣ, а затѣмъ они снова впадаютъ въ періодъ упадка и истощенія силъ. Возьмемъ для примѣра имена Ж. П. Рихтера, Моцарта, Ж. Ж. Руссо. Послѣдній примѣръ, какъ доказали многочисленныя изслѣдованія, относится уже къ области патологіи. Къ этой же категоріи можно отнести нѣкоторыхъ ораторовъ съ „темпераментомъ“, проявляющимъ себя въ полномъ блескѣ только тогда, когда имъ приходится защищать близкое имъ дѣло или поражать враговъ.

Дѣятельные характеры.

Этотъ классъ я дѣлю на два вида, смотря потому имѣемъ ли мы передъ собой умы сильные или посредственные.

Категорія *дѣятельныхъ посредственныхъ* (les actifs médiocres) показываетъ намъ яснѣе особенности характера этой формы и его отличія отъ характеровъ чувствительныхъ. „Дѣятельный“ человекъ работаетъ лучше чувствительнаго потому, что онъ способенъ къ обязательному труду, тогда какъ тотъ пренебрегаетъ всѣмъ, что не представляетъ жгучаго и не ослабѣвающаго интереса. Дѣятельный человекъ можетъ гулять исключительно для поддержанія своего здоровья; чувствительный же не можетъ выдти изъ дому, не взявъ съ собою ружья или рыболовныхъ снарядовъ, не найдя себѣ товарища или не имѣя въ виду что-нибудь посмотреть. Люди дѣятельнаго характера представляютъ собою прочныя машины съ большимъ запасомъ живой силы и еще большимъ—потенціальной энергіи. Взгляните на мелкаго торговца, не обладающаго ни умомъ, ни образованіемъ, принадлежащаго къ этому типу: какъ онъ суетится, предлагаетъ свои услуги, безъ умолку болтаетъ и во всемъ этомъ имъ руководить не одна только цѣль барыша: его толкаетъ сама природа и *заставляетъ* его дѣйствовать.

Поставимъ на его мѣсто человека чувствительнаго типа: онъ будетъ дѣлать только самое необходимое или только то, что его интересуеть.

Къ этой первой группѣ принадлежатъ всѣ обладающіе богатымъ запасомъ физической энергіи и чувствующіе потребность къ ея израсходыванію: спортсмены, любители приключеній, въ виду имѣющіе одну только цѣль—въ чемъ либо проявить свою дѣятельность, путешественники странствующіе по бѣлому свѣту, не стремясь къ обогащенію ни своего ума, ни кармана, не изучая посѣщаемыхъ ими странъ, ни до, ни послѣ, ни во время своего пребывания, и торопящіеся вернуться домой, чтобы

снова начать свои путешествія. Сюда же можно отнести людей съ воинственными стремленіями, незлобивыхъ, но чувствующихъ потребность израсходованія избытка своихъ силъ. Во времена наемныхъ армій главный контингентъ должны были составлять люди разсматриваемой нами группы.

2) Возьмемъ теперь обыкновеннаго *кондотьера* тысячами состоявшихъ на службѣ у итальянскихъ республикъ и представлявшихъ собою очень яркіе типы физической энергіи и неосмысленной дѣятельности. Если прибавить къ этому крѣпкому основанію проніцательный, сильный, утонченный умъ, не знающій ни угрызеній совѣсти и изощрившійся въ дипломатіи,—и вмѣсто простаго *кондотьера*—Цезарь Борджіа. Теперь отъ низшей формы дѣятельнаго характера перейдемъ къ высшей.

Ея представителями, т. е. *великими дѣятельными типами* (*les grands actifs*) исторія изобилуетъ; они въ ней играютъ первыя роли. Демаркаціонная линія между ними и тѣми смѣшанными формами, съ которыми мы встрѣчаемся ниже, къ сожалѣнію, такъ незамѣтна, что я боюсь указывать на имена. Повидимому, къ этому типу принадлежалъ Юлій Цезарь. Относящійся къ нему стихъ Лукава—„(nil actum reputans si quid superesset agendum)“ не размышлялъ о сдѣланномъ, когда нужно было дѣйствовать)—полная характеристика дѣятельнаго типа. Но о большой чувствительности ни въ его жизни, ни въ стилѣ его произведеній ничего не говоритъ, если не принимать въ расчетъ нѣсколько сильныхъ страстей и припадковъ эпилепсіи, ничего не доказывающихъ. Теперь укажемъ еще на конквистадоровъ XVI-го вѣка, на тѣхъ испанскихъ капитановъ (Ф. Кортесъ, Пизарро), похожденія которыхъ похожи на романъ. Съ горстью смѣльчаковъ они свер-

гають великія імперіи Мексики и Перу, являясь чуть-ли не богами въ глазахъ побѣжденныхъ.

III. *Апатичные характеры* (въ обыкновенной классификаціи темпераментовъ—флегматичные или лимфатическіе). Я употребляю это слово въ этимологическомъ смыслѣ, для обозначенія не полного отсутствія чувствительности, но слабой степени возбудимости, а слѣдовательно и реакціи. Можно подумать, что эта категорія характеровъ никогда не выходитъ за предѣлы посредственности, но опытъ говоритъ о невѣрности этого взгляда. Здѣсь именно уму принадлежитъ верховная роль: отсутствіе физиологической дѣятельности и страстей представляютъ благоприятную почву для его развитія.

Нигдѣ съ такой ясностью вліяніе умственного склада на образованіе характера не обнаруживается, какъ именно въ вышеупомянутомъ случаѣ. Тутъ выясняются даже предѣлы, поставленные этому вліянію самой природой.

Этотъ классъ я раздѣляю на два вида:

1) Первый—это чистый апатичный типъ, мало дѣятельный, мало чувствительный и обладающій ограниченнымъ умомъ. Это отрицательное состояніе было нами уже разсмотрѣно выше и я къ этому ничего не имѣю прибавить. Эти характеры одновременно стоятъ выше и ниже аморфныхъ: выше потому, что они имѣютъ особую отличительную черту, особый неизгладимый признакъ, а именно—ихъ инертность, чего у аморфныхъ нѣтъ; ниже потому, что они оказываютъ пассивное сопротивленіе внѣшнимъ вліяніямъ, не поддаются воспитанію, лишены всякой податливости и одинаково не способны ни къ добру, ни къ злу.

2) Присутствіе сильного ума все измѣняетъ, и тогда различаемъ два случая, смотря по тому, со-

ладаетъ ли субъектъ умозрительными или практическими умственными способностями.

Изъ нихъ первый случай находится внѣ нашей задачи. Если лимфатическій темпераментъ связанъ съ высокимъ умозрительнымъ умомъ — что встрѣчается большею частью у многихъ математиковъ, метафизиковъ и вообще ученыхъ — то передъ нами лишь чистые интеллекты, „monstra per excessum“ Шопенгауера, и намъ нечего говорить объ ихъ характерѣ.

Второй случай (умъ практической) заслуживаетъ вниманія потому, что онъ представляетъ собою совершенно особую форму характера, вытекающую изъ дѣйствія сверху внизъ, изъ вліяній идей на чувства и движенія. Эту группу характеровъ я назову *разсчетливыми* (les calculateus). Здѣсь первыми двигателями являются идеи, и вслѣдствіи этого непосредственныя движенія отсутствуютъ; стремленія вызываются только косвенно; воля представляетъ собою не „laissez faire“ (принципъ невмѣшательства), а смѣну усилій и задержки. Усилія вызываются тѣмъ, что двигательная сила идей всегда слишкомъ слаба по сравненію съ силой желаній, а пріостановки зависятъ не отъ необходимости сдерживать какія-нибудь сильныя движенія, а отъ того, что господствующее надъ всѣмъ остальнымъ, разсужденіе позволяетъ дѣйствовать только тогда и тамъ, гдѣ находитъ это пужнымъ. Характеры эти можно было бы назвать также *разсудительными*; это продукты больше искусственной выработки, чѣмъ самой природы. Если бы глава эта не была посвящена исключительно индивидуальной психологіи, я бы указалъ на преобладаніе этого характера въ нѣкоторыхъ рассахъ, у нѣкоторыхъ народовъ и въ нѣкоторыя эпохи.

Веніаминъ Франклинь можетъ служить прекраснымъ образчикомъ этого типа; это „геній благо-разумнаго расчета“. Прочтите его письмо къ Прислею, озаглавленное: „Нравственная алгебра или способъ самому рѣшать сомнительные вопросы“. Доводы *за и противъ* записываются ежедневно, послѣ зрѣлаго, часто продолжительнаго размышленія; затѣмъ они сравниваются, взвѣшиваются, и, когда это ариѳметическое дѣйствіе окончено, человѣкъ приступаетъ къ дѣйствию.

Изъ историческихъ великихъ личностей этой категоріи укажемъ на Вильгельма Молчаливаго, на короля Людовига 11, представлявшаго такъ мало рыцарскаго по сравненію съ своей эпохой, на Филиппа 2-го, который, узнавъ о Левантской побѣдѣ, даже не прервалъ своего вечерняго богослуженія, и, запершись въ своей холодной и пустой комнатѣ (ее и теперь можно видѣть въ Эскуріалѣ), строилъ козни и мечталъ о покореніи Стараго и Новаго свѣта.

На болѣе скромныхъ поприщахъ тотъ же характеръ мы встрѣчаемъ у холодныхъ, упорныхъ спекуляторовъ, ничего не предоставляющихъ капризу, воображенію или случаю, не опьяняемыхъ успѣхомъ и не падающихъ духомъ отъ неудачъ.

Вообще, можно сказать, что великіе имена встрѣчаются во всѣхъ трехъ классахъ. Знаменитые люди чувствительнаго типа дѣйствовали силою и заразительностью своего чувства; знаменитые дѣятельные типы вліяли силою своей энергіи, подавлявшей другихъ людей; великіе расчетливые типы дѣйствовали силою своего размышленія, ничего не предоставляющаго случаю; ихъ благоразуміе дѣлаетъ ихъ сильными, но ихъ слава—тусклая, не имѣющая престижа, не внушающая симпатіи. Тѣмъ не ме-

нѣе, они представляютъ собою *настоящіе* характеры, такъ какъ обладаютъ особымъ, свойственнымъ имъ, исходящимъ отъ нихъ, а не извнѣ, способомъ реагированія.

Сложные характеры.

Прежде, чѣмъ приступить къ опредѣленію третьей ступени нашей классификаціи, я долженъ сдѣлать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній. Мы теперь переходимъ отъ видовъ къ разновидностямъ, отъ характеровъ сравнительно простыхъ къ характерамъ сложнымъ. Теорія темпераментовъ нытается дать опредѣленіе этимъ послѣднимъ въ своемъ описаніи смѣшанныхъ темпераментовъ (лимфатико-сангвиническаго, нервно-сангвиническаго и т. д.) въ описаніи, вызвавшемъ много споровъ. У насъ вмѣсто одного господствующаго признака—чувствительности, энергіи или размысленія—такихъ признаковъ *два*, существующихъ рядомъ и одновременно, то другъ съ другомъ гармонирующихъ, то противорѣчивыхъ. Мы уклоняемся такимъ образомъ отъ единства. Стоящіе на точкѣ зрѣнія логики, рассуждая о чистыхъ концептахъ, говорятъ: существуютъ нѣкоторыя формы, исключаютія другъ друга; нельзя наприимѣръ быть одновременно апатичнымъ и дѣятельнымъ, и, будто, смѣшанныя формы поэтому должны быть отвергнуты. Но мы ни въ какомъ случаѣ не присоединимся къ этому мнѣнію. Мы должны наблюдать, а не рассуждать. Существуютъ-ли на опытѣ смѣшанные, противорѣчивые или непротиворѣчивые характеры? Въ этомъ-то и заключается весь вопросъ. Поэтому меня затрудняетъ не столько этотъ пунктъ, сколько трудность

установленія ясныхъ, а главное обоснованныхъ и безспорныхъ различій между второй и третьей ступеню нашего опредѣленія, между видами и разновидностями характера. Какъ уже замѣчено раньше, высшія формы чувствительныхъ, дѣятельныхъ и апатичныхъ характеровъ незамѣтно приводятъ насъ въ типамъ смѣшаннымъ.

Я устанавливаю для нихъ слѣдующее дѣленіе (причемъ не опускаю изъ вида и возможность возраженій):

1) Типы *чувствительно-дѣятельные* (les sensitifs actifs). Въ этой формѣ характера нѣтъ ничего противорѣчиваго. Живая, но не преувеличенная чувствительность безъ болѣзненной гиперестезіи, легко уживается съ дѣятельнымъ, энергическимъ темпераментомъ, потому что между дѣйствіемъ и чувствомъ существуетъ естественная связь. Эти характеры, являясь результатомъ синтеза чувствительнаго и дѣятельнаго типовъ, обладаютъ качествами обоихъ, или, по крайней мѣрѣ, тѣми изъ нихъ, которыя не исключаютъ другъ друга. Въ общемъ, въ лицѣ своихъ наиболѣе блестящихъ представителей, этотъ типъ кажется мнѣ одною изъ самыхъ богатыхъ и гармоничныхъ разновидностей характера.

Низшая же ступень этой разновидности находится у людей, стоящихъ на невысокомъ умственномъ уровнѣ, которые, проводя жизнь въ удовольствіяхъ, испытываютъ чисто-эгоистическую потребность наслажденія и дѣятельности. Это—блѣдные и лишенные оригинальности образчики чувствительно-дѣятельнаго типа, которые не всегда легко отличимы съ одной стороны отъ аморфныхъ, съ другой—отъ неустойчивыхъ.

На высшей ступени этого типа мы находимъ му-

чениковъ и *тылкихъ* героевъ, чувствующихъ потребность дѣйствовать и жертвовать собою за свою родину или за свою вѣру: великихъ мистиковъ, основателей или реформаторовъ религій (святая Тереза, святой Францискъ Ассизскій); великихъ религиозныхъ проповѣдниковъ (Петръ пустынный, Лютеръ); людей, полныхъ всепоглощающей любви къ людямъ (Сень-Винцентъ-де-Поль); однимъ словомъ, всѣхъ тѣхъ, кого называютъ апостолами въ широкомъ смыслѣ.

Сюда же можно отнести и знаменитыхъ полководцевъ, какъ Александръ и Наполеонъ; многихъ великихъ революціонеровъ (Дантонъ); поэтовъ, какъ лордъ Байронъ; артистовъ, какъ Бенвенуто Челлини и Микель-Анджело.

Здѣсь я привелъ только очень извѣстныя имена, и сколько, сколько еще нужно для поясненія.

2) *Апатично-дѣятельные* (les apathiques-actifs). Эта разновидность близко подходитъ къ виду, уже описанному нами подъ именемъ типа „разсчитливыхъ“, но является, мнѣ кажется, нѣсколько усложненной вслѣдствіе присоединенія извѣстной доли страсти или чувства, которая даетъ возможность дѣйствовать скорѣе въ оборонительномъ, чѣмъ въ наступательномъ направленіи.

Господствующимъ элементомъ является здѣсь идея, придающая этому характеру непоколебимую устойчивость и подчиняющая своей власти довольно слабую чувствительность. Это *нравственный темпераментъ* по преимуществу, но его нравственность является холодной, обратившейся въ привычку, и внушаетъ скорѣе уваженіе, чѣмъ симпатію. Нравственный идеаль, составляющій основаніе и опору этой формы характера, можетъ быть истиннымъ или важнымъ и мѣняться сообразно времени и мѣста

(общественное спасеніе, общая польза, вѣра въ религиозный или другой догматъ, отвлеченный долгъ, категорическій императивъ).

Этотъ характеръ также встрѣчается у *пассивныхъ* мучениковъ и героевъ, которые сами не идутъ на встрѣчу смерти и опасности, не ищутъ мученій и безъ увлеченія, но и безъ страха, несутъ свой крестъ до конца, не отступая ни передъ какими страданіями.

Людей этого типа обыкновенно называютъ стойками. Къ нимъ можно присоединить холодныхъ фанатиковъ, янсенистовъ и т. д.

3) *Апатично-чувствительные* (les apathiques-sensitifs). Въ нихъ мы видимъ противорѣчивый, но все-таки существующій, синтезъ. Если терминъ „характеръ“ означаетъ существованіе извѣстной главной, основной, неизмѣнной черты, то эту разновидность нужно признать скорѣе полу-патологической, чѣмъ нормальной. Я обозначаю ее слѣдующими словами: атонія и неустойчивость. Можно встрѣтить людей (и это не фантастическое описаніе, а портретъ съ натуры) лимфатическаго темперамента, проводящихъ жизнь въ бездѣйствіи, отдыхѣ и какъ бы въ оцѣпенѣніи, которыхъ какое нибудь обстоятельство внезапно толкаетъ на дѣло и они отдаются ему тогда съ такой же лихорадочностью, какъ типы чувствительные, но это случается у нихъ лишь періодами. Напримѣръ, человекъ, котораго я зналъ всегда какъ домосѣда, питающаго отвращеніе къ передвиженіямъ и перемѣнамъ, внезапно уѣзжаетъ въ Австралію, увлекшись химеричными проектами, но, скоро вернувшись домой, клянется, что больше съ нимъ этого не повторится.

4) Если мы признаемъ существованіе *умяреннаго* (tempéré) характера, то намъ нужно будетъ о

немъ говорить именно здѣсь. Но можемъ-ли мы его признать? Не является-ли такой характеръ лишь идеаломъ? А если даже и допустить, что дѣйствительно встрѣчаются люди, у которыхъ чувство, мысль и дѣйствіе находятся въ полномъ равновѣсіи, то не есть-ли это уничтоженіе всякаго характера, всякаго индивидуальнаго оттѣнка? Полное равновѣсіе, конечно, даръ природы и залогъ счастья, но для образованія характера нужно совсѣмъ иное. Правда, *умѣренные* подходятъ подъ наше опредѣленіе характера, такъ какъ удовлетворяютъ двумъ основнымъ условіямъ: единству и устойчивости, и обладаютъ особымъ, свойственнымъ имъ способомъ дѣйствія и реагированія, всегда однимъ и тѣмъ же, и заранѣе извѣстнымъ; но вопросъ въ томъ: не исходитъ-ли ихъ инициатива скорѣе отъ обстоятельствъ, чѣмъ отъ нихъ самихъ, и не является-ли ихъ индивидуальность скорѣе результатомъ приспособленія?

Я не буду долѣе останавливаться на этомъ скользкомъ вопросѣ, потому что разборъ его можетъ превратиться въ споръ о словахъ. Скажу только, что мы имѣемъ здѣсь передъ собою форму неупловимую, неопредѣленную, лишенную рельефности и граничущую съ типомъ аморфнымъ.

Я не могу привести именъ, которые подошли-бы подъ эту рубрику. Какъ на яркій примѣръ уравновѣженности и спокойствія часто указываютъ на Гете, но не извѣстно, что онъ главнымъ образомъ представляетъ собою: геній или характеръ.

Удаляясь все болѣе и болѣе отъ простыхъ, ясныхъ, рѣзко очерченныхъ группъ, мы подходимъ теперь къ послѣдней группѣ, которую я назвалъ *субститутами* характера, которые его замѣщаютъ и замѣняютъ. Самымъ короткимъ и подходящимъ былъ бы, мнѣ вѣжется, терминъ *частичные* харак-

теры. Они представляют смѣсь характера аморфнаго *плюсъ* какая-нибудь сильно преобладающая умственная склонность или аффективное стремленіе. Въ цѣльномъ характерѣ личность, принадлежащая къ чувствительному, дѣятельному или апатичному типу, проникнута до мозга костей чувствительностію, энергіей или апатіей; на это указываютъ всѣ ея поступки (или отсутствіе поступковъ). Частичный характеръ проявляется только въ чемъ-нибудь одномъ, но въ этомъ одномъ онъ реагируетъ энергически, неизмѣнно, всегда одинаково и его поступки всегда могутъ быть предсказаны заранѣе. Во всемъ остальномъ онъ чувствуетъ, думаетъ и дѣйствуетъ, какъ и всѣ окружающіе. Онъ представляетъ собою подражаніе, копію, безличный продуктъ среды и воспитанія. У многихъ людей это замѣняетъ характеръ, а многимъ и кажется характеромъ.

Наиболѣе простымъ являются тѣ частичные характеры, которые вытекаютъ изъ умственного склада. Врожденная способность къ математикѣ, къ механическимъ искусствамъ, къ музыкѣ, къ живописи, напримѣръ, можетъ развиться, заслопить все остальное, сдѣлаться исключительной чертой цѣлой индивидуальности и явиться подобіемъ характера, котораго на самомъ дѣлѣ не существуетъ, т. е. который безличенъ. Въ разговорномъ языкѣ эта гипертрофія обозначается словами, взятыми изъ френологіи: „у него развита такая-то шишка“.

Частичные характеры въ области аффективной состоятъ въ исключительномъ преобладаніи какой-нибудь страсти (половой любви, игры, скудости и т. д.). Все, что имѣетъ къ ней близкое или отдаленное отношеніе, вызываетъ энергическую и всегда одинаковую реакцію. Енѣ этого мы видимъ реак-

цію, не выходящую за предѣлы обыденнаго или же совершенную индифферентность. Замѣтимъ, что эта форма частичнаго характера обладаетъ очень малою устойчивостью, такъ какъ страсть, по самой своей природѣ, стремится расширяться, охватить мало-по-малу всего человѣка и вызвать въ немъ патологическое измѣненіе.

Наконецъ, такъ какъ природа богата различными комбинаціями, а мы должны стараться не забыть ни одной изъ нихъ, укажемъ на то, что встрѣчаются и такія сложныя формы, въ которыя входитъ аморфный характеръ, извѣстная умственная склонность и страсть.

Несмотря на всю ея неполноту, изложенная классификація могла показаться слишкомъ мелочной. Мы нечего оправдываться въ этомъ, такъ какъ цѣлью моею было слѣдовать естественному методу, т. е. установить ясное различіе между главными и подчиненными элементами и переходъ отъ общаго къ частному посредствомъ непрерывной преемственности и присоединенія новыхъ характерныхъ чертъ. Практична-ли эта классификація? Можетъ-ли она помочь ориентироваться среди многочисленныхъ проявленій характера? Если нѣтъ, то она должна быть отвергнута.

Во всякомъ случаѣ, изъ нея можно видѣть, какъ различны и разнородны тѣ индивидуальныя свойства, которыя обозначаются подъ коллективнымъ именемъ характера, и какъ общее названіе скрываетъ здѣсь отъ насъ разнообразіе отдѣльныхъ случаевъ. Это даетъ намъ возможность отвѣтить въ заключеніе на одинъ вопросъ, часто обсуждаемый и имѣющій большое практическое значеніе, а именно на вопросъ: представляетъ-ли изъ себя характеръ нѣчто неподвижное?

По этому вопросу мнѣнія расходятся и имѣются два противоположныхъ и одинаково радикальныхъ отвѣта. По мнѣнію однихъ, характеръ—нѣчто приобрѣтенное, слѣдовательно, безконечно измѣнчивое, паходящееся въ зависимости отъ той или иной обстановки. Это—теорія „*tabulae rasaе*“, перенесенная изъ области ощущеній въ область стремленій и чувствъ. Она встрѣчается у нѣкоторыхъ философовъ XVIII вѣка, а также несомнѣнно признается всѣми тѣми, кто слѣпо вѣритъ во всемогущество воспитанія.

Другіе видятъ въ характерѣ врожденность, постоянство и неизмѣняемость. Все приобрѣтенное представляетъ собою лишь заимствованную одежду, хрупкій, поверхностный *слой*, отпадающій при малѣйшемъ прикосновеніи. Если отбросить множество метафизическихъ тонкостей Шопенгауера, нельзя отрицать, что онъ необыкновенно горячо и энергично проводилъ этотъ взглядъ. Задача сводится такимъ образомъ къ слѣдующей дилеммѣ: характеръ можетъ быть или врожденнымъ или приобрѣтеннымъ. Я не могу согласиться съ такой постановкой, такъ какъ на самомъ дѣлѣ она гораздо сложнѣе. Характеръ—отвлеченное понятіе; въ дѣйствительности существуютъ только отдѣльные *характеры*. Замѣнимъ этотъ неясный терминъ, обладающій только абстрактнымъ и искусственнымъ единствомъ, многочисленными видами и разновидностями, описанными нами выше, а также и тѣми, которые можетъ быть пропущены. Возьмемъ съ одной стороны ясныя, рѣзко означенныя формы, которыя я назвалъ чистыми типами. Ихъ ничто не можетъ ни измѣнить, ни поколебать; хороши они или дурны—они тверды, какъ алмазъ. Возьмемъ съ другой стороны аморфные типы: они по самому опредѣленію представляютъ

собою воплощенную эластичность. Между этими крайними точками расположим всѣ видоизмѣненія характера въ одну серію такъ, чтобы переходъ отъ одного конца къ другому совершался незамѣтно. Ясно, что по мѣрѣ того, какъ мы спускаемся къ аморфнымъ, личность оказывасть все меньшее сопротивление вліяніямъ среды и въ такой же мѣрѣ возрастаетъ пріобрѣтенная часть характера. Проще сказать *настоящіе* характеры не измѣняются.

Ненормальные и болѣзненные характеры.

Въ указанныхъ выше трудахъ и въ предъидущей главѣ были даны классификаціи различныхъ формъ характера, которыя были описаны и сведены къ нѣсколькимъ объясняющимъ ихъ принципамъ. Несмотря на разногласія въ толкованіи и номенклатурѣ, существованіе нѣкоторыхъ типовъ—напримѣръ, чувствительнаго, дѣятельнаго и апатичнаго—признается всѣми. Но можно ли считать ихъ равнозначущими? Этотъ вопросъ прежде всего возникаетъ при переходѣ отъ нормальныхъ характеровъ къ болѣзненнымъ. Обыкновенно полагають, что разъ каждый типъ имѣетъ свои достоинства и недостатки, свои выгодныя и невыгодныя стороны, то само собою разумѣется, что всѣ они должны признаваться равными. Тотъ, кто ограничивается описаніемъ и классификаціей, можетъ этимъ удовольствоваться и не пытаться разрѣшить этотъ трудный вопросъ. Но какъ только мы вступаемъ въ область характеровъ болѣзненныхъ, мы должны предварительно спросить себя: всѣ-ли такъ называемые нормальные характеры одинаково нормальны, или же нѣкоторые изъ

нихъ, по самой своей природѣ, стоятъ ближе къ формамъ патологическимъ и болѣе склонны къ регрессивной метаморфозѣ; другими словами, мы должны установить уже не классификацію, а іерархію и оцѣнку, часто оказывающуюся спорной и трудно опредѣлимой.

Единственный, насколько мнѣ извѣстно, изслѣдователь, приступившій къ вопросу съ этой стороны,—русскій антропологъ Н. Зеландъ. Старые авторы, классифицируя темпераменты,—а тѣмъ самымъ и характеры дѣлили ихъ на сильные (холерическій и меланхолическій) и слабые (сангвиническій и флегматическій). Это дѣленіе, недавно принятое Вундтомъ, не особенно ясно и даетъ поводъ во многимъ возраженіямъ. Зеландъ, порвавъ съ традиціей, окончательно оставляетъ дѣленіе на четыре категоріи и не считаетъ „всѣхъ темпераментовъ равнозначущими: одни изъ нихъ болѣе приближаются къ понятію о совершенствѣ, другіе менѣе“. Предлагаемая имъ классификація составляетъ такимъ образомъ іерархію и заключаетъ въ существенныхъ чертахъ, начиная съ наиболѣе совершенныхъ формъ характера, слѣдующія дѣленія:

I. Темпераменты *сильные или положительные* заключаютъ:

1) Темпераментъ *веселый*, представляющій собою типъ, по отношенію къ которому классическій „сангвиническій“ темпераментъ лишь одно изъ подраздѣленій. Въ него входятъ три главныхъ вида: а) сильный сангвиническій темпераментъ: преобладаніе растительной жизни, быстрыя, но хорошо приспособленныя, цѣлесообразныя, ровныя движенія, б) менѣе сильный сангвиническій темпераментъ: сходенъ съ предыдущими, но представляетъ смѣсь съ темпераментомъ нервнымъ; реакціи его менѣе

умѣренны и ровны; таковы французы и поляки; в) темпераментъ ровный (serein): занимаетъ середину между сильнымъ сангвиническимъ и флегматическимъ, соединяетъ въ себѣ достоинства обоихъ.

2) Темпераментъ *флегматическій* или спокойный, не идущій дальше средней степени напряженія и обнаруживающій удивительное однообразіе: это какъ бы движущаяся масса, движеніе которой не ускоряется и не замедляется; но спокойствіе здѣсь не только исключаетъ силы, а наоборотъ предполагаетъ ее. Изъ народовъ къ этому типу принадлежатъ голландцы, англичане и норвежцы.

II. Приступая къ темпераменту *среднему*, или *нейтральному*, мы спускаемся на одну ступень ниже. Этотъ темпераментъ „неизвѣстенъ въ наукѣ, хотя и составляетъ достояніе большинства людей“. Онъ соотвѣтствуетъ уравновѣшеннымъ типамъ Полана и тѣмъ, которыхъ мы выше назвали аморфными въ виду отсутствія у нихъ опредѣленнаго характернаго отпечатка.

III Еще ниже мы находимъ темпераменты *слабые* или *отрицательные*. „Ихъ реакціи могутъ быть медленными или быстрыми, но характерною для нихъ чертою является неправильность, чрезмѣрность и даже извращенность ихъ проявленій“. Въ нихъ входятъ три разновидности: а) чистый меланхолическій темпераментъ, отличающійся грустью и апатіей безъ нервныхъ симптомовъ, по крайней мѣрѣ, безъ симптомовъ преобладающихъ; б) нервный темпераментъ, измѣнчивый и представляющій смѣну нормальной дѣятельности или упадка и возбужденія; в) холерическій темпераментъ, не составляющій отдѣльнаго рода и встрѣчающійся довольно рѣдко. Онъ характеризуется вспыльчивостью и можетъ входить въ соединеніе съ меланхолическимъ

и менѣе сильнымъ сангвиническимъ, тогда какъ ровный и флегматическій темпераменты наоборотъ исключаютъ его.

Для обоснованія этой классификаціи авторъ ея приводитъ результаты продолжительныхъ антропологическихъ изслѣдованій, изложенные въ шестнадцати таблицахъ. Наблюденія были произведены надъ 160-ю мужчинами и 40 женщинами, принадлежащими къ четыремъ главнымъ типамъ: веселому, флегматическому, нейтральному и меланхолическому, и состояли въ сравнительномъ изслѣдованіи роста, окружности груди, шеи и рукъ, вмѣстимости легкихъ, дыханія, пульса, температуры, динамометрической силы, измѣреній черепа, состоянія органовъ чувствъ и т. д. Результаты оказались рѣшительно благопріятными для веселыхъ темпераментовъ и очень неблагопріятными для меланхолическихъ, у которыхъ наблюдается меньшая сила и меньшая тонкость чувствительности, за исключеніемъ специальной чувствительности къ страданію. Единственной группой, въ которой у женщинъ встрѣчаются аномаліи—это нервная группа, соотвѣтствующая такъ называемой „меланхолической“ группѣ у мужчинъ.

Въ заключеніе авторъ, повидимому, пытается опровергнуть „укоренившееся стремленіе искать сущность темпераментовъ въ явленіяхъ кровообращенія и его спутникѣ обмѣнѣ веществъ. Для этой цѣли онъ ограничивается опытомъ надъ восемью здоровыми солдатами, изъ коихъ четверо принадлежало къ веселому и четверо къ меланхолическому типу. Они были подвергнуты имъ въ теченіи только трехъ дней одинаковому питательному режиму при строгомъ контролѣ; въ результатъ взвѣшиваніе и анализъ отдѣленій и выдѣленій не показали, чтобы обмѣнъ веществъ былъ сильнѣе у сангвиниковъ, чѣмъ у

ихъ товарищей—меланхоликовъ“. Но можетъ-ли считаться доказательнымъ такой непродолжительный опытъ, сдѣланный притомъ надъ незначительнымъ числомъ лицъ?

Какъ бы то ни было, Зеландъ отвергаетъ химическую теорію и предпочитаетъ объясненіе физическое. По его мнѣнію, „нервная ткань, помимо своей общей дѣятельности, имѣетъ еще особую жизнь, служащую основаніемъ темперамента и характера“. Все зависитъ отъ того, какъ нервная система отзывается на внѣшнія и внутреннія возбужденія: веселый темпераментъ соотвѣтствуетъ частымъ и гармоническимъ молекулярнымъ колебаніямъ незначительной быстроты, но постояннымъ; отрицательныя формы—колебаніямъ медленнымъ и нестройнымъ или же быстрымъ и прерывистымъ.

Эта іерархическая группировка далека отъ совершенства. Я привожу ее только какъ примѣръ классификаціи, составленной на основаніи предполагаемаго достоинства различныхъ характеровъ, и, какъ введеніе къ изученію болѣзненныхъ формъ, которыми мы теперь и займемся.

Признаки уклоненія.

Прежде всего нужно знать, на основаніи какихъ признаковъ мы выводимъ заключеніе, что данный характеръ представляетъ собою уклоненіе отъ нормальныхъ типовъ. Не возвращаясь къ тому, о чемъ уже была рѣчь въ предыдущей главѣ, можно сказать вкратцѣ:

1. Настоящій характеръ сводится въ одной чертѣ, въ одному преобладающему стремленію, которое

придаетъ ему на всю жизнь единство и устойчивость. Это понятіе нѣсколько отвлеченное; но чѣмъ рѣзче очерченъ характеръ, тѣмъ ближе онъ приближается въ этому идеалу.

2. На практикѣ цѣльный характеръ всегда (за нѣкоторыми рѣдкими исключеніями, которыя легко объяснить) допускаетъ возможность предвидѣнія и предсказанія. Мы заранее знаемъ, что сдѣлаетъ въ данномъ случаѣ человѣкъ дѣятельный, чувствительный, флегматическій, созерцательный. Нейтральные характеры, въ сущности не имѣющіе нивакого характера, дѣйствуютъ подъ давленіемъ обстоятельствъ или подъ вліяніемъ другихъ. Точка опоры для предвидѣнія находится поэтому не въ нихъ, а внѣ ихъ.

Въ характерахъ ненормальныхъ одинъ изъ этихъ признаковъ или оба отсутствуютъ, и чѣмъ больше характеры, уклоняются отъ этихъ двухъ существенныхъ условій—единства и возможности предвидѣнія,—тѣмъ больше они удаляются отъ типичныхъ формъ и становятся наконецъ явно болѣзненными.

Можно было-бы подумать, что аномалія характера въ томъ видѣ, въ какомъ показываетъ ихъ намъ наблюденіе, такъ разнообразны и многочисленны, что не поддаются никакой классификаціи, и что нѣтъ возможности разобратся въ ихъ хаосѣ; мнѣ кажется тѣмъ не менѣе, что вышеуказанные признаки даютъ намъ руководящую нить. Мнѣ почти нечего говорить о томъ, что я исключаю изъ группы аномалій тѣ легкія, преходящія и перемежающія уклоненія, которыя являются не болѣе, какъ временными нарушеніями единства характера. Цезарь, Ришелье, Наполеонъ представляетъ собою совершенно опредѣленные типы, а между тѣмъ въ нѣкоторые моменты жизни они переставали быть самими собою. У Наполеона, напримѣръ, въ то время,

когда его везли на островъ Эльбу, среди ярости и оскорбленій народа, были минуты удивительнаго малодушія. Такого рода факты служатъ лишнимъ доказательствомъ того, что вполне цѣлый характеръ не болѣе, какъ идеаль; тѣмъ не менѣе мы еще не считаемъ болѣзнью нездоровье, продолжающее нѣсколько часовъ. Сдѣлавъ эту оговорку, мы можемъ теперь въ нашей классификаціи слѣдовать за регрессивнымъ переходомъ отъ строгаго единства въ разнообразію, отъ прочности въ разложенію; мы найдемъ при этомъ три группы, все болѣе удаляющіяся отъ нормальныхъ формъ: 1) характеры противорѣчивые въ послѣдовательности (*contradictaires successifs*), 2) характеры противорѣчивые одновременно—(*contradictaires simultanés*) и 3) характеры неустойчивые или полиморфные—послѣдняя степень дезорганизаціи. Намъ остается рассмотретьъ ихъ въ этомъ порядкѣ.

Подъ характерами противорѣчивыми и въ *послѣдовательности* я подразумѣваю раздвоенные на двѣ противоположныхъ формы, два противоположныхъ способа чувства чувствовать и дѣйствовать такъ, что взятая въ цѣломъ жизнь человѣка кажется принадлежащей двумъ индивидамъ: одному до кризиса, другому—послѣ него.

Прежде, чѣмъ рассмотретьъ примѣры изъ дѣйствительной жизни, мы должны исключить изъ нашего изученія:

1. Характеры, мнимо-противорѣчивые (напр. триумвиръ Октавій и императоръ Августъ); ими изобилуетъ политическая исторія. Таковъ Кромвель, который казался то фанатикомъ, то грубымъ шутникомъ, но въ сущности всегда былъ очень практичнымъ человѣкомъ съ однимъ и тѣмъ же господствующимъ стремленіемъ. Характеръ здѣсь не яв-

ляется противорѣчивымъ или неустойчивымъ, а наоборотъ—единымъ и крѣпкимъ: въ цѣли существуетъ полное единство, и противорѣчія сказываются только въ средствахъ. Моралистъ справедливо называетъ такіе характеры фальшивыми, потому что они носятъ маску, но для психолога они представляются нормальными, и притомъ рѣзко очерченными. Они часто встрѣчаются въ нашей обыденной жизни; для того, чтобы казаться противорѣчащимъ самому себѣ, человѣку вовсе не нужно актерствовать; нужно только оставаться вѣрнымъ преслѣдуемой цѣли и не быть разборчивымъ въ средствахъ. Тѣ, которые въ эпохи революцій, подъ вліяніемъ страха внезапно перерождаются, и, ради собственного спасенія, не щадятъ даже своихъ близкихъ, принадлежатъ къ этой же категоріи: единство ихъ характера выражается въ заботѣ о самохраненіи.

2. Измѣненія характера, вызываемыя ходомъ самой жизни и переменной обстановкой. Такъ, дѣятельный характеръ можетъ поочередно проявляться то въ любви, то въ опасныхъ приключеніяхъ, то въ тщеславіи, то въ стремленіи къ богатству.

Оставивъ эти сомнительные случаи, мы можемъ раздѣлить характеры противорѣчивые въ послѣдовательности на два класса: въ первый входитъ аномаліи, во второй патологическія формы.

1-й классъ. Въ виду того, что въ нашей классификаціи мы мало-по-малу удаляемся отъ нормальнаго состоянія, намъ слѣдуетъ начать съ формъ смягченныхъ, представляющихъ собою не болѣе, какъ уклоненія отъ идеала характера т. е. отъ постояннаго и неизмѣннаго единства. Оставляя въ сторонѣ этотъ идеалъ, мы все-таки можемъ сказать, что характеры противорѣчивые въ послѣдовательности представляютъ исключенія изъ общаго правила,

такъ какъ даже въ нейтральныхъ типахъ сохраняется втеченіи всей жизни нѣкоторое единство, а именно—единство ихъ неизмѣнной эластичности.

Въ этомъ классѣ я различаю два случая. Читатель находитъ, быть-можетъ, слишкомъ многочисленными эти раздѣленія и подраздѣленія, но они необходимы: когда мы классифицируемъ, то должны устанавливать различія, а когда слѣдимъ за ходомъ регресса, то должны отмѣчать каждый шагъ къ дезорганизаціи.

1. Самый простой и самый близкій къ нормальному состоянію случай, это—измѣненіе направленія одного и того же стремленія, преобладающаго въ данной личности. Таково превращеніе физической любви, составлявшей содержаніе первой половины жизни, въ любовь платоническую, наполняющую вторую половину (Раймундъ, Луллій); обратное явленіе также встрѣчается нерѣдко, и примѣры его можно найти у мистиковъ. Таковы искреннія перемѣны религіозныхъ или оплитическихъ убѣжденій (Св. Павелъ, Лютеръ). То же бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда пылъ темперамента, расходуемый сначала на добро, тратится затѣмъ на зло или наоборотъ. Моралистъ видитъ въ этомъ полное перерожденіе, какъ бы замѣну одной личности другою; для психолога же это лишь перемѣна направленія, а человѣкъ остается однимъ и тѣмъ же. Не трудно замѣтить, что въ глубинѣ двухъ противоположностей лежитъ общее основаніе, скрытое единство; одинаковая по количеству или по качеству энергія направляется на двѣ противоположныя цѣли, но въ бабочкѣ мы безъ всякихъ усилій можемъ узнать куколку.

2. Таковы смягченныя формы. Что касается рѣзкихъ случаевъ, дальше уклоняющихся отъ общаго

правила, то они предполагают существование глубокой и настоящей двойственности: таковъ напримѣръ переходъ отъ оргій къ *продолжительному* (въ противномъ случаѣ это—не болѣе какъ временное явленіе) аскетизму, переходъ отъ дѣятельной жизни къ созерцательной (Диоклетіанъ), или отъ созерцательной къ дѣятельной (Юліанъ Отступникъ), вообще всѣ тѣ случаи, когда человѣкъ сжигаетъ то, чему поклонялся, и поклоняется тому, что сжигалъ, когда въ одномъ и томъ же индивидуумѣ мы находимъ какъ бы двѣ личности. На обыденномъ языкѣ это называется „обращеніями“, они могутъ быть религіозными, философскими, научными и т. д., но всегда состоятъ въ замѣнѣ одного стремленія—или группы стремленій—стремленіемъ противоположнымъ, одного вѣрованія—другимъ противоположнымъ, одной формы единства—другою; всѣ эти способы выраженія представляютъ собою синонимы, обозначающіе различныя психологическія стороны совершающагося превращенія. Замѣтимъ мимоходомъ, что общественное мнѣніе видитъ въ людяхъ, прошедшихъ черезъ два противорѣчивыхъ фазиса, только одинъ изъ нихъ, обыкновенно, послѣдній, окончательный, или же наиболѣе продолжительный и блестящій; другой фазисъ остается въ тѣни. Св. Августинъ является для всѣхъ таимъ, какимъ онъ сталъ послѣ своего обращенія; Диоклетіанъ—таимъ, какимъ онъ былъ до отреченія. Въ основѣ такого сужденія лежитъ стремленіе нашего ума къ упрощенію и единству, въ данномъ случаѣ—человѣческаго характера.

Какимъ образомъ происходитъ это превращеніе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ раздѣляющее жизнь на два противорѣчивыхъ фазиса? Общаго отвѣта на это дать невозможно, потому что каждый частный

случай предполагаетъ особыя условія, но можно, все-таки, попытаться приблизительно опредѣлить наиболѣе часто дѣйствующія причины.

Прежде всего,—причины физическія. Есть серьезныя болѣзни, которыя, измѣняя организацію человѣка, тѣмъ самымъ измѣняютъ и его характеръ, показывая такимъ образомъ, въ какой тѣсной зависимости этотъ послѣдній находится отъ сенестезіи; (все равно, примемъ-ли мы за основаніе химическія измѣненія въ питаніи или согласно гипотезѣ Генде и Зеланда измѣненія физическія). Причиной могутъ быть также сильныя сотрясенія, а именно пораненія головы, о которыхъ намъ еще придется говорить дальше. Азамъ приводитъ нѣсколько примѣровъ такихъ превращеній: трудолюбивый и спокойный человѣкъ пріобрѣтаетъ, подъ вліяніемъ сложнаго перелома ноги, импульсивный и невыносимый характеръ (авторъ предполагаетъ въ этомъ случаѣ мозговую ишемію); у другого при такихъ же обстоятельствахъ веселый характеръ замѣняется неизлѣчимой меланхоліей; упорная лицевая невралгія превращаетъ добраго по природѣ человѣка въ злого и раздражительнаго и т. д.

Затѣмъ причины нравственныя. Онѣ дѣйствуютъ; повидимому, какъ ударъ, послѣдствія котораго обнаруживаются или сейчасъ или же, черезъ долгое время, вслѣдствіе чего превращеніе бываетъ или внезапнымъ, или медленно подготовленнымъ. Типомъ *первыхъ* служатъ обращенія, явившіяся слѣдствіемъ неожиданнаго кризиса: напримѣръ, вліяніе видѣній на св. Павла, несчастнаго случая—на Паскаля, признаніе одной изъ его возлюбленныхъ—на Луллія; сюда же относится примѣръ испанскаго дворянина Марана, исторію котораго столько разъ рассказывали, и который полъ жизни былъ Донъ-Жуаномъ,

а затѣмъ внезапно измѣнился подѣ влияніемъ церковнаго пѣнія. „Нисхожденіе благодати“ теологовъ совершенно вѣрно психологически. *Вторая* являются не сразу, а послѣ борьбы между старыми и новыми стремленіями: св. Августинъ, Лютеръ, Лойола, Ф. Борджіа, который при видѣ трупа своей императрицы (жены Карла Пятаго) рѣшилъ отречься отъ міра, но исполнилъ это лишь гораздо позднѣе. Къ этимъ извѣстнымъ именамъ можно прибавить еще имена другихъ людей неизвѣстныхъ, но знакомыхъ каждому читателю.

Мы можемъ задать себѣ вопросъ: дѣйствительно-ли эти перемѣны, даже самыя внезапныя, такъ неожиданны, какъ кажутся, не вытекаютъ-ли онѣ изъ прошлой жизни и не являются-ли ускореннымъ результатомъ полу-сознательнаго инкубаціоннаго (подготовительнаго) періода? Какъ бы то ни было, психологическій механизмъ обращеній очень сходенъ съ механизмомъ развитія непреодолимыхъ импульсовъ. Въ своей полной эволюціи онъ проходитъ черезъ три момента: 1) представленіе о противоположной цѣли или противоположномъ идеалѣ, что случается со всѣми, какъ состояніе преходящее и не ведущее ни къ какому дѣйствию; если оно только проскользнетъ въ умѣ и окажется временнымъ, то результатовъ не будетъ; 2) это понятіе должно слѣдовательно превратиться въ *idée fixe*, какъ всегда упорную, преобладающую надъ всѣмъ остальнымъ, заполняющую всего человѣка; 3) наконецъ этотъ процессъ завершается самымъ актомъ, такъ какъ актъ уже заключается въ *idée fixe*, а *idée fixe* есть вѣра и, какъ всякая вѣра, предполагаетъ свой объектъ осуществленнымъ или долженствующимъ осуществиться. Вообще, мы не видимъ никакихъ результатовъ до тѣхъ поръ, пока идея не

сдѣлалась импульсомъ. Въ случаяхъ внезапнаго превращенія порывъ страсти обнаруживается сразу, и сразу же одерживаетъ побѣду. Здѣсь мы опять-таки видимъ сходство съ неотразимыми импульсами, которые переходятъ въ дѣйствіе или послѣ цѣлаго періода предварительной борьбы, или какъ мгновенный подъемъ духа.

Но существуетъ и нѣкоторое различіе выражающееся тѣмъ, что новый способъ чувствованія, мышленія и дѣйствія является продолжительнымъ. Эта устойчивость была бы невозможна, если бы въ обоихъ случаяхъ—подготовленія или взрыва—въ организациі индивида не происходило глубокаго измѣненія. Обращенія не создаютъ новаго стремленія: они только показываютъ, что въ насъ живутъ стремленія самыя противорѣчивыя, и что однимъ изъ нихъ замѣняется другое не подъ вліяніемъ нашей воли, всегда ненадежной, а вслѣдствіе радикальнаго переворота въ нашей чувствительности.

2-ой классъ. Въ этотъ классъ входятъ характеры *перемежающіеся* (alternants), настроеніе которыхъ мѣняется съ такою быстротою и такъ часто, что они приближаются къ характерамъ одновременно противорѣчивымъ. вмѣсто двухъ различныхъ характеровъ—перваго до, втораго послѣ кризиса—которые на всю жизнь даннаго человѣка могутъ быть выражены формулой: А, затѣмъ В, мы имѣемъ здѣсь передъ собою смѣну двухъ формъ характера (съ промежуточнымъ кризисомъ или безъ него), формулой которой будетъ: А, затѣмъ В, затѣмъ А, затѣмъ В и т. д.

Эта смѣна встрѣчается и въ нормальномъ или ненормальномъ состояніи, но она бываетъ тамъ слишкомъ мимолетна или трудно уловима, чтобы ее можно было отличить отъ характеровъ неустойчи-

выхъ, между тѣмъ какъ въ формахъ болѣзненныхъ она является какъ бы въ нѣсколько увеличенномъ видѣ. Сюда относятся явленія, которыми такъ много занимаются въ наше время, и которыя извѣстны подъ названіемъ болѣзней, разстройствъ личности. Читателю они знакомы; кромѣ того, они отчасти выходятъ за предѣлы нашего предмета, и, если я ихъ коснулся, то только для выясненія одного частнаго пункта, а именно измѣненій характера.

Въ явленіи смѣны личностей въ одномъ человѣкѣ мы можемъ разсматривать или фізіологическія измѣненія, довольно неясныя, или измѣненія интеллектуальныя, которыя сводятся почти что исключительно къ памяти, или наконецъ измѣненія аффективныя, которыхъ вообще нѣсколько игнорируютъ, и которыя изъ нѣкоторыхъ наблюдений даже со-всѣмъ исключаются. Намъ интересуютъ только послѣднія, такъ какъ они находятъ себѣ выраженіе въ смѣнахъ характера.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы возьмемъ законченныя наблюденія, то увидимъ, что различіе двухъ личностей состоитъ не только въ смѣнѣ двухъ различныхъ и обыкновенныхъ противоположныхъ аффективныхъ настроеній. Знаменитая Фелида Азамъ бываетъ въ первомъ своемъ состояніи мрачной, холодной, сдержанной, а во второмъ—веселой, экспансивной, оживленной до кокетства, рѣзвой. На примѣрѣ Мэри Рейнольдсъ, приведенномъ Вейръ Митчелемъ, мы видимъ сначала меланхолическую, молчаливую женщину, избѣгающую людей; затѣмъ въ ея новой личности „ея настроеніе всецѣло мѣняется“: она веселится до сумасшествія, становится шумливой, ищетъ общества, или же странствуетъ пѣшкомъ и верхомъ по лѣсамъ, долинамъ и горамъ, наслаждаясь до опьяненія видомъ природы и никогда не

чувствуя страха. Эти смѣны продолжались у нея шестнадцать лѣтъ, затѣмъ „эмоціональная противоположность между обоими состояніями повидимому постепенно сгладилась“ и привела къ среднему состоянію; „къ вполне уравновѣшенному temperamentу“, послѣдній отъ времени до времени смѣнялъ второе состояніе, „сдѣлавшееся постояннымъ“. Напомнимъ также извѣстное наблюденіе надъ Л. В., который *самостоятельно* проявлялъ двѣ противоположныя формы характера: онъ то бываетъ болтливымъ, дерзкимъ, буйнымъ, грубымъ, непослушнымъ, способнымъ на воровство и стремится убить тѣхъ, кто отдаетъ ему приказанія, то становится мягкимъ, вѣжливымъ, молчаливымъ, умѣреннымъ, почти дѣтски застѣнчивымъ. Я говорю „самостоятельно“, потому что Буррю и Бюро вызывали *искусственно* у В. нѣкоторыя физическія измѣненія, сопровождавшіяся измѣненіями въ характерѣ, но я ограничиваюсь только естественными перемѣнами. Для другихъ примѣровъ отсылаю читателя къ спеціальнымъ трудамъ о болѣзненныхъ измѣненіяхъ личности.

Я допускаю, что смѣна различныхъ состояній памяти,—самое странное и поразительное явленіе во всемъ этомъ,—зависитъ отъ смѣны аффективныхъ настроеній т. е. характера, которая въ свою очередь вытекаетъ изъ измѣненій физиологическихъ, такъ что въ концѣ концовъ все сводится къ сенистезіи. Когда, на примѣръ, мы видимъ у Л. В., что буйный характеръ всегда сопровождается параличъ и анестезію правой стороны, а мягкій характеръ параличъ и анестезію лѣвой, (не говоря уже о частичныхъ измѣненіяхъ, которыя слѣдуютъ за паралигеміей и полной анестезіей, вызванными искусственно въ состояніи гипнотизма), то трудно не

признать, что измѣненія памяти, характера и физическихъ привычекъ составляютъ почти неразрывное цѣлое. Таково именно заключеніе, выведенное Буррю и Бюро изъ своихъ опытовъ.

За неимѣніемъ положительныхъ доказательствъ того, что переменны въ сенестезіи являются первоначальнымъ факторомъ въ этой смѣнѣ характеровъ, мы можемъ сблизить это явленіе съ одной душевной болѣзнью, гдѣ, благодаря болѣе простой формѣ смѣны, можно лучше уловить ея физиологическія условія, а именно съ помѣшательствомъ въ двойной формѣ, называемымъ также помѣшательствомъ круговымъ или циркулярнымъ, помѣшательствомъ съ смѣняющимися формами и т. д. Оно состоитъ въ правильной смѣнѣ двухъ періодовъ: угнетеннаго состоянія и экзальтаціи. Переходъ отъ одного къ другому происходитъ или мгновенно, или постепенно и незамѣтно, но во всякомъ случаѣ контрастъ между двумя періодами бываетъ очень ясный.

Въ періодъ угнетенія мы находимъ слѣдующія аффективные симптомы: меланхолію, чувство усталости, какъ бы оцѣпенѣніе, равнодушіе, смутный страхъ, безпокойство по поводу всего. Съ физической стороны мы видимъ, что больной худѣетъ, старѣетъ, покрывается морщинами, кажется разбитымъ; температура тѣла понижается, наблюдается сильное ослабленіе пульса, уменьшеніе отдѣленій и выдѣленій и вѣса тѣла (до десяти фунтовъ въ недѣлю).

Во время возбужденія мы имѣемъ предъ собою діаметрально противоположную картину: чувство довольства, радость, гордость, избытокъ дѣятельности; больной молодѣетъ, толстѣетъ, органическія функціи совершаются энергически и легко. „Этотъ контрастъ, говоритъ одинъ психіатръ, одна изъ самыхъ любопытныхъ и интересныхъ особенностей психіатріи“.

Связь между аффективнымъ настроеніемъ и физическимъ состояніемъ здѣсь вполне очевидна и сводится повидимому къ особому неврозу мозга (Шюле, Крафтъ-Эбингъ). Правда, и эта болѣзнь, являющая собою рѣзкую форму, и смѣна личности, которая является формой смягченной, даютъ намъ примѣры исключительно патологическіе, но зародыши этихъ болѣзненныхъ проявленій гнѣздятся въ нормальномъ состояніи. Къ сожалѣнію, мы не можемъ уловить эту смѣну, только когда она становится рельефной, приводя при этомъ въ примѣръ только рѣзкіе случаи мы ее можемъ установить вполне правильно и безошибочно. По сравненію съ характерами, противорѣчивыми въ послѣдовательности, изъ которыхъ одинъ уничтожаетъ другой, смѣняющіеся характеры отмѣчаютъ собою еще одинъ шагъ по направленію къ разрушенію и образуютъ такимъ образомъ переходъ ко второй группѣ—къ *сосущимъ* противорѣчивымъ характерамъ.

Противорѣчивые характеры.

Въ такихъ характерахъ живутъ одновременно два стремленія, одинаково преобладающихъ и непримиримыхъ между собою; мы имѣемъ здѣсь два характера, два противорѣчивыхъ источника дѣйствія, и, согласно нашему практическому критерию, два возможныхъ и одинаково вѣроятныхъ предсказанія для каждаго даннаго обстоятельства. Эти характеры отличаются, какъ отъ противорѣчивыхъ въ послѣдовательности, въ которыхъ второй человекъ вытѣсняетъ перваго, такъ и отъ характеровъ перемежающихся, которые поочередно и *исключительно* фигурируютъ въ теченіи нѣкотораго времени. Они являются въ двухъ главныхъ формахъ.

Первая форма не представляет собою чистаго, цѣльнаго типа. Она вытекаетъ изъ противорѣчія между мыслью и чувствомъ, между теоріей и практикой, между принципами и стремленіями. Ничто не можетъ быть обычнѣ этого явленія, примѣры котораго едва-ли даже стоитъ приводить: таково рѣзкое противорѣчіе между общественной и личной жизнью человѣка, между человѣкомъ, какъ ученымъ, и тѣмъ же человѣкомъ, какъ вѣрующимъ; таковы тѣ случаи, когда человѣкъ, непримиримый и требовательный по отношенію къ научнымъ доказательствамъ оказывается въ любви или въ религіи безгранично наивнымъ и простодушнымъ. Что касается людей, энергично проповѣдующихъ какую-нибудь доктрину и дѣйствующимъ въ то же время въ противоположномъ направленіи, то въ нихъ тоже не ощущается недостатка. Шопенгауеръ, въ теоріи пессимистъ, мизогинъ, аскетъ, проникнутый чувствомъ сожалѣнія ко всему живущему, на практикѣ былъ совершенно не таковъ. Это—непримиримое противорѣчіе, которому я противопоставляю цѣльность такого характера, какъ Спиноза.

Если мы представимъ себѣ человѣка исключительно интеллектуальнаго и все-таки дѣйствующаго (если это возможно), то такой человѣкъ по самой своей организаціи избѣгнетъ возможности этой двойственности. Большой Эскироля, который, сохранивъ полную ясность ума, потерялъ всякую чувствительность и „относился также равнодушно къ близкимъ ему людямъ и ко всему міру, какъ къ теоремѣ Эвклида“, приближается къ такому типу. Смягченныя формы его можно встрѣтить среди людей апатичнаго типа.

Эта противорѣчивая двойственность тажеъ обычна, что я не рѣшилъ-бы на ней останавливаться, если бы она не была очевиднымъ доказательствомъ лож-

ности того распространеннаго предразсудка, что достаточно привить человѣку извѣстные принципы и идеи для того, чтобы они оказали свое дѣйствіе. Конечно, власть, воспитаніе и законъ не имѣютъ другаго способа вліянія на людей, но этотъ способъ самъ по себѣ не вѣренъ: онъ можетъ увѣнчаться успѣхомъ или потерпѣть неудачу. Это не болѣе какъ опытъ, попытка, въ которой все сводится къ вопросу о томъ: пойдутъ-ли въ данномъ случаѣ параллельно характеръ интеллектуальный (если только существуютъ собственно интеллектуальные характеры, какъ предполагаютъ нѣкоторые изслѣдователи, и характеръ эффе́ктивный.

Вторая форма — чистая и цѣльная. Заключающаяся въ ней противорѣчіе глубже, потому что оно существуетъ между двумя стремленіями, двумя способами дѣйствія, исключаящими другъ друга. Эти характеры приближаются къ нашей послѣдней группѣ (къ характерамъ неустойчивымъ); это — характеры безсвязные, которые не хотятъ или не могутъ разрѣшить живущаго въ нихъ противорѣчія. Однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ примѣровъ являются люди, соединяющіе въ себѣ религіозную искренность съ грубой раснущенностію. Общественное мнѣніе строго осуждаетъ ихъ за лицемеріе, смѣшивая такимъ образомъ воедино два явленія, не имѣющія ничего общаго между собою — умышленное притворство и неизлѣчимое противорѣчіе. Между тѣмъ какъ въ такихъ людяхъ дѣйствуетъ поочередно: то религіозное чувство, то половое чувство, одинаково въ нихъ укоренившіяся, но эти индивидуумы не даютъ себѣ труда согласовать между собою свои столь противорѣчивыя душевныя и фізіологически-психическія состоянія. Напомнимъ также о людяхъ, какъ бы раздѣленныхъ между потребностью къ дѣятельности и къ

спокойствію, постоянно переходящимъ отъ одного къ другому: влюбленный нерѣдко питаетъ къ предмету своей страсти и пылкую любовь и сильное презрѣніе. Мы находимъ аналогичное состояніе у подданныхъ, чувствующихъ одновременно непоколебимую вѣрность королю и отвращеніе къ его личности. Изучая „сложные“ характеры, Поланъ указываетъ на Рубенса, который былъ обыкновенно спокойнымъ, ровнымъ, велъ правильную жизнь, но его охватывало какое-то трагическое безпокойное состояніе, какъ только онъ брался за кисть. Объ одномъ знаменитомъ современникѣ (Вагнерѣ) было сказано, что въ немъ существовали „инстинкты аскета и сатира, потребность любить и ненавидѣть, жажда наслажденія и стремленіе къ идеалу, чувство собственного достоинства и льстивость, смѣсь самоотверженія и низкой измѣны“. Многіе другіе могли бы подойти подъ это описаніе. Здѣсь мы видимъ уже нѣчто большее, чѣмъ двойственность, такъ какъ эти различныя черты нельзя свести къ двумъ основнымъ противоположностямъ, но это все-таки еще не настоящій типъ неустойчивости.

Нѣкоторые авторы считаютъ причину одновременно противорѣчивыхъ характеровъ очень простой и сводятъ ее къ мозговой двойственности. Извѣстно, что мозговья полушарія, даже въ нормальномъ состояніи, не симметричны и отличаются другъ отъ друга по вѣсу, по распредѣленію артерій, по функціональной важности, и что лѣвая сторона является преобладающей; извѣстно также, что галлюцинаціи могутъ быть односторонними, двухсторонними, съ различнымъ характеромъ и т. д. Вообще, существованіе мозговой двойственности не подлежитъ сомнѣнію, но предполагать, что она можетъ быть достаточной для объясненія двойствен-

ности характера, значить давать слишком простое объясненіе, на разборѣ котораго я даже не считаю нужнымъ останавливаться.

Объясненіе, основанное на психологіи, будетъ менѣ простымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и менѣ шаткимъ. Для того, чтобы понять, какимъ образомъ складываются такіе характеры, нужно, мнѣ кажется, избрать слѣдующій путь. Возьмемъ за исходный пунктъ характеры вполне уравновѣшенные, „вполнѣ цѣльные“, въ которыхъ различныя стремленія находятся въ іерархической связи. Первымъ шагомъ къ нарушенію единства является перевѣсъ одного какого-нибудь стремленія: человѣкъ становится либо дѣятельнымъ, либо чувствительнымъ и т. д. Единство здѣсь еще существуетъ, но оно являетъ собою не единство идущихъ по одному направленію стремленій—аналогичное федераціи, а единство преобладанія, соответствующее абсолютной монархіи. Второй, рѣшительный шагъ, это появленіе двухъ преобладающихъ стремленій, причѣмъ эти стремленія должны быть противорѣчивыми. Такъ, Сервантесъ, который всю свою жизнь былъ воиномъ и рыцаремъ, а затѣмъ извѣстнымъ писателемъ даетъ намъ собою примѣръ натуры сложной, но нисколько не противорѣчивой. Противорѣчіе встрѣчается въ такихъ случаяхъ, какъ, на примѣръ, у вѣрующаго развратника, который, проповѣдуя правила нравственности, и предписываемыя его религіей, въ то же время отрицаетъ ихъ своими поступками. Въ этомъ случаѣ мы видимъ два несогласованныхъ стремленій. Замѣтимъ, однако, что это не болѣе какъ преувеличеніе нормальнаго явленія: очень серьезный человѣкъ можетъ переживать моменты безумной радости; другой можетъ быть охваченъ страстью, противорѣчащей всѣмъ его привычкамъ. Если при-

дать этому временному, эпизодическому явленію устойчивость и постоянство, то получится противорѣчивый характеръ. Эти превращенія можно приписывать обстоятельствамъ, но мнѣ кажется, что они гораздо больше зависятъ отъ врожденныхъ свойствъ, что причина ихъ лежитъ въ индивидуальной организаціи, а то или иное обстоятельство только даетъ имъ возможность проявиться.

Вообще, можно сказать, не боясь быть парадоксальнымъ, что эти характеры являются противорѣчивыми или не противорѣчивыми, въ зависимости отъ принятой точки зрѣнія: они противорѣчивы для логики ума и не противорѣчивы для логики чувства.

Когда мы находимъ какой нибудь характеръ противорѣчивымъ,—все равно касается ли это насъ или другихъ—мы судимъ *объективно* и констатируемъ въ индивидѣ одновременное существованіе двухъ руководящихъ идей, изъ которыхъ одна исключаетъ другую; мы рациональнымъ путемъ объявляемъ его тогда не логичнымъ, потому что принципъ противорѣчія составляетъ основу всѣхъ нашихъ утвержденій и на него опирается вся логика нашего ума.

Логика чувствъ *субъективная* и управляется принципомъ цѣлесообразности и приспособленія. Индивидъ, какъ существо чисто аффективное, имѣетъ въ виду только одну цѣль—удовлетвореніе своихъ желаній, и въ то же время каждое изъ живущихъ въ немъ стремленій имѣетъ въ виду свою специальную цѣль, свое специальное благо. Поэтому, если ученый, движимый любовью къ истинѣ, и движимый живымъ религіознымъ чувствомъ удовлетворяются дѣтскими вѣрованіями, то между ними нѣтъ и не можетъ быть противорѣчія; противорѣчіе существуетъ только объективно въ области идей. Въ логикѣ чувствъ также есть свои нелогичности, но опѣ

инаго рода и я вижу ихъ только двѣ: 1-я,—когда одно отдѣльное стремленіе становится, направляясь къ своей цѣли, источникомъ вреда или гибели для цѣлаго индивида; 2-я—когда послѣдній наслаждается своимъ собственнымъ разрушеніемъ, какъ въ случаяхъ „наслажденія страданіемъ“, рассмотрѣнныхъ нами выше, крайняя степень которыхъ выражается во влеченіи къ самоубійству.

Неустойчивые характеры.

Неустойчивые или полиморфные характеры могутъ быть названы характерами развѣ только благодаря злоупотребленію этимъ словомъ: въ нихъ нѣтъ ни единства, ни устойчивости; мы не можемъ предвидѣть, какъ они поступятъ въ томъ или иномъ случаѣ и каждый разъ встрѣчаемся съ загадкой. Мы имѣемъ здѣсь въ сущности разложеніе характера, такъ что всѣ представители этой группы являются патологическими.

Разбирать эти характеры бесполезно, потому что они понятны сами собою. Мы находимъ главные ихъ типы у истеричныхъ, измѣнчивая психологія которыхъ была столько разъ и такъ хорошо описана, что на ней излишне останавливаться, а также у авантюристовъ, исторія которыхъ со всѣми ея безчисленными видоизмѣненіями сводится всегда къ одному и тому же: преждевременное развитіе, отсутствіе домашней и школьной дисциплины, побѣги изъ дому, неспособность къ систематическому труду; такой человекъ переходитъ отъ увлеченія къ отвращенію, за все принимается и все бросаетъ и такимъ образомъ спускается все ниже, подъ вліяніемъ случайныхъ настроеній и обстоятельствъ, до окончательной катастрофы, которая приводитъ его на

скамью подсудимыхъ или въ домъ умалишенныхъ.

Причины этой неустойчивости могутъ быть врожденными или прибрѣтенными.

Спазматическій діатезъ, т. е. склонность къ судорожнымъ заболѣваніямъ, какъ его называетъ Маудсли, бываетъ по большей части врожденнымъ. Онъ характеризуется различными симптомами, обозначаемыми подъ общимъ именемъ вырожденія и распадается на двѣ категоріи—особенности физическія и особенности психическія; эти симптомы слишкомъ извѣстны для того, чтобы нужно было ихъ перечислять.

Неустойчивость, прибрѣтенная въ теченіи жизни, бываетъ результатомъ нѣкоторыхъ болѣзней, главнымъ образомъ, пораненій и сотрясеній мозга, особенно лобной его доли. Таково заключеніе, которое можно вывести изъ наблюденій Давида Феррье, Бойе, Лепина и др. Въ послѣднее время Алленъ Старръ наблюдалъ въ 23-хъ случаяхъ изъ 46, какъ исключительные симптомы, умственную тупость, неспособность къ вниманію, раздражительность, неуравновѣшенныя и импульсивныя дѣйствія, отсутствіе контроля воли, потеря задерживающей способности т. е. явленія, совпадающія спеціально съ поврежденіями лѣвой стороны лобной области.

Поланъ, въ своемъ трудѣ о „характерахъ“, изучая тѣхъ, кого онъ называетъ безпокойными, нервными и придирчивыми, приводитъ вѣсколько примѣровъ, въ томъ числѣ Альфреда-де-мюссе, основываясь на его авто-біографическихъ замѣткахъ и характеристикѣ, сдѣланной Ж. Зандъ. „Послѣ этихъ ужасныхъ сценъ, говоритъ Мюссе, какая-то странная любовь, какая-то до крайности доведенная экзальтація заставляла меня относиться къ моей возлюбленной, какъ къ божеству. Черезъ четверть часа послѣ того, какъ я ее оскорбилъ, я былъ уже у

ея ногъ; какъ только я пересталъ обвинять ее, я просилъ прощенія; какъ только переставалъ издѣваться надъ ней, я плакалъ.

„Реакція овладѣвала имъ тѣмъ внезапнѣе и сильнѣе, чѣмъ живѣе была его радость... Въ немъ точно было двѣ души, которыя вмѣстѣ старались одушевить его тѣло и вели между собою ожесточенную борьбу за преобладаніе... Незмѣннымъ правиломъ, неслышаннымъ, но абсолютнымъ, было въ этой странной натурѣ то, что сонъ измѣнялъ всѣ его рѣшенія: если онъ засыпалъ съ сердцемъ полнымъ нѣжности, то просыпался съ жаждой борьбы и убійства; если наканунѣ уходилъ съ проклятіями, то на другой день прибѣгалъ съ благословіями“.

(Ж. Зандъ).

Изъ этого и другихъ аналогичныхъ примѣровъ Поланъ выводитъ, что „эти типы являются результатомъ преобладанія ассоціаціи по контрасту“. Миѣ кажется, что психологи совершенно справедливо сводятъ ее въ концѣ концовъ къ ассоціаціи по сходству, смѣшанной иногда съ элементами смежности. Кромѣ того, контрастъ существуетъ только между двумя противоположностями, тогда какъ у „нервныхъ, безпокойныхъ и придирчивыхъ“ мы видимъ не только переходъ отъ одной противоположности къ другой, но и отъ одного состоянія къ другому, такъ что въ общемъ они переходятъ черезъ цѣлую гамму. Наконецъ, ассоціація по контрасту имѣетъ опредѣленную форму только какъ явленіе *интеллектуальное* и нельзя сказать, что любовь, какъ представленіе, вызываетъ *представленіе* о нестойкости, или что *идея* ревности вызываетъ идею равнодушія. Ассоціація идей есть нѣчто иное чѣмъ послѣдствіе, результатъ, выраженіе въ сознаніи болѣе глубокихъ явленій—явленій аф-

фективнаго или даже органическаго порядка. Если А. Мюссе, сейчас только представляющій себѣ Ж. Зандѣ божествомъ, обращается съ ней затѣмъ, какъ жестокой плантаторъ съ рабыней, то эта перемѣна направленія зависитъ отъ способа чувствованія, а не отъ способа мышленія. Я вижу въ этомъ скорѣе результатъ быстро, но частичнаго истощенія часто встрѣчающагося у неравновѣшенныхъ субъектовъ. Если мы хотимъ сохранить слово контрастъ, то должны понимать его не въ психическомъ смыслѣ, а такъ, какъ его понимаютъ филологи, когда говорятъ о „последовательномъ контрастѣ“, приписывая его (правильно или неправильно) утомленію частей ретины (сѣтчатки глаза).

Неустойчивые типы могутъ быть, по моему мнѣнію, выражены и объяснены терминомъ *психологическое дѣтство* (*infantilisme psychologique*); можно было бы также сказать, что мы имѣемъ здѣсь пріостановку въ развитіи, но это выраженіе не примѣнимо ко всѣмъ случаямъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы посмотримъ на отличительныя черты дѣтскаго характера (за нѣкоторыми исключеніями), то мы прежде всего замѣтимъ его неподвижность: дѣти хотятъ то того, то другаго, то третьяго, быстро доходятъ до крайности, переходя отъ увлеченія къ отвращенію, отъ смѣха къ слезамъ; они представляютъ собою безсвязный союзъ влеченій и желаній, изъ которыхъ каждое исключаетъ остальные. Затѣмъ мы отмѣчаемъ слабость или полное отсутствіе воли въ ея высшей формѣ задерживающей и согласующей силы. Являются-ли они импульсивными вслѣдствіе отсутствія задержки или неспособными управлять собою вслѣдствіе излишка импульсовъ? И тотъ и другой случай встрѣчаются, причемъ результатъ бываетъ

одинъ и тотъ же. Общая характеристика ихъ (мы не будемъ приводить ее въ подробностяхъ) это—характеристика неустойчивыхъ типовъ, т. е. отсутствіе сложившагося характера.

Терминъ *дѣтство* приложимъ одинаково, какъ формамъ врожденнымъ, такъ и къ формамъ приобрѣтеннымъ. Одни никогда не переставали быть дѣтьми, другіе дѣлаются ими вновь; они находятся на одномъ уровнѣ; одни—потому, что, недостаточно высоко поднялись, другіе — потому, что слишкомъ низко спустились, т. е. мы видимъ здѣсь или остановку въ развитіи или регрессъ. Возможное возраженіе, что такая неустойчивость много разъ встрѣчалась у выдающихся умовъ, не можетъ имѣть никакого значенія, такъ какъ геній—одно, а характеръ — совершенно другое, а здѣсь рѣчь идетъ исключительно о характерѣ. Когда, въ виду несообразностей въ ихъ поведеніи, такихъ людей называютъ „взрослыми дѣтьми“, то этими словами отмѣчаютъ очень вѣрную черту, хотя и не вполне научно.

Вообще, начиная отъ *настоящаго* характера (т. е. отъ проявленія личности въ устойчивой и всегда послѣдовательной формѣ), который никогда не осуществляется вполне и безъ перерывовъ, хотя бы и короткихъ, мы видимъ всевозможныя степени нарушенія единства и устойчивости, до того момента безсвязнаго разнообразія, когда характеръ не имѣлъ возможности родиться или же пересталъ существовать вовсе.

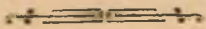
Характеристика всѣхъ этихъ разновидностей—вотъ наша задача, которую мы рѣшили себѣ задать. Смѣемъ думать, что внесли нѣкоторый порядокъ въ классификацію характеровъ, допускающей болѣе тщательное изслѣдованіе in spe.

#18189

ОГЛАВЛЕНІЯ.

	Стр.
Предисловіе переводчика	III
Введеніе	IV
Краткій очеркъ исторіи теоріи характера	9
Признаки и классификація характера	12
Черты характера	19
Виды характера	24
Характеры чувствительные	31
Дѣятельные характеры	34
Сложные характеры	40
Ненормальные и болѣзненные характеры	48
Признаки уклоненія	52
Противорѣчивые характеры	64
Неустойчивые характеры	70

1215

Популярная политическая экономія. Соч. Фауссетъ. Переводъ съ 7-го англійскаго изданія М. И. Ловцовой, подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. Дружинина. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. Политическая экономія трактуетъ о фактурахъ производства, богатствѣ земли, трудѣ, капиталѣ, о рентѣ, заработной платѣ и прибыли, о мѣнѣ и торговлѣ, о кредитѣ и проч., и проч. Наука экономіи опредѣляетъ сущность этихъ явленій, оцѣниваетъ ихъ значеніе во всѣхъ видахъ и проявленіяхъ. Эта политическая экономія для начинающихъ мистрисъ Фауссетъ отличается всѣми свойствами, необходимыми для труда, предназначеннаго для болѣе или менѣе широкаго распространенія: краткостью, ясностью, доступностью, систематичностью и объективностью. Переводчикѣ при этомъ удалось соединить близость къ подлиннику съ требованіями ясности для русскаго читателя. Въ общемъ эта книга является очень полезнымъ вкладомъ въ русскую переводную политико-экономическую литературу.

Воспитаніе умственное, нравственное и физическое. Соч. Гербера Спенсера. Новый полный переводъ съ англійскаго М. А. Лазаревой. Спб. 1898 г. Ц. 75 к.

Происхожденіе семьи и собственности. Соч. изв. учен. Г. Тардъ, пер. съ франц. Съ прибавл. очерка Л. Е. Оболенскаго: о происхожденіи семьи и собственности по теоріи эволюціонистовъ и экономическихъ матеріалистовъ. Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

Избранныя мысли Ж. М. Гюйо (*Pages choisies des grands écrivains*). Извлеченныя изъ полного собранія его сочиненій членомъ французской академіи Альфредомъ Фулье. Съ добавленіями и примѣчаніями Л. Е. Оболенскаго. Спб. 1897 г. Ц. 25 к.

Самовоспитаніе умственное, нравственное и физическое. Соч. Джонъ Стюартъ Блэки, перев. съ 20-го англійск. изданія съ дополненіемъ и примѣчаніями В. Вольфсона. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Исторія философіи съ древнѣйшаго—до настоящаго времени въ популярномъ изложеніи. Соч. Фр. Кирхнера, перев. съ нѣмецк.

В. Вольфсона, съ дополнительною статью „Исторія русской философіи“, В. В. Чуйко. Спб. 1896 г., 393 стр. Ц. 1 р. 20 к.

Сущность искусства. Соч. Г. Тарда. Перев. съ франц. подъ редакцію и предисловіемъ Л. Оболенскаго. Спб. 1896 г. Ц. 30 к. Знаменитый французскій мыслитель возбуждаетъ и рѣшаетъ этотъ вопросъ съ полнымъ знаніемъ этого дѣла.

Чтеніе какъ искусство. Сост. академ. Легувэ. Перев. съ 31-го французск. изданія. 3-е изданіе. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Эстетика. Популярное изложеніе. Ученіе о прекрасномъ и объ искусствѣ. Соч. Прейса, перев. съ нѣмецк. В. Владимірова, подъ редакц. В. В. Чуйко. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 20 к.

Лучи свѣта. Сочин. философа Шопенгауера. Извлечено изъ полнаго сочиненія Г. Франценштеттомъ, перев. Н. Н. Маракуева. 2-е изд., 1896 г., 327 стр. Ц. 1 руб.

Чувство природы, историческое развитіе. Соч. Альф. Визе. Перев. Д. Коробчевскаго. Спб. 1891 г., 391 стр. Ц. 2 р.

Жизнь послѣ смерти. Научные и моральные выводы философіи. Соч. Леона Дени. Перев. съ французскаго. 2-е изд. 1898 г. 320 стр. Ц. 1 р.

Чтенія объ искусствѣ. Соч. знамен. ученаго И. Тэна, перев. А. Н. Чудинова. 4-е исправлен. изданіе, 450 стр. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 75 к.

Справедливость. Новое соч. Гер. Спенсера. Пер. съ англійск. М. Филиппова. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Героизмъ. Соч. Арманъ Рено. Примѣры героизма и нравственной энергіи изъ исторіи всѣхъ временъ и народовъ. Съ 25 рисунками. Перевелъ съ франц. и дополнилъ примѣрами русскаго героизма В. Д. Владиміровъ. Спб. Ц. 1 р. Героизмъ, по понятію

Рено, вовсе не является исключительнымъ спутникомъ воинской славы; героизмъ можетъ обнаружиться во всѣхъ сферахъ чело-вѣческой жизни и дѣятельности, какъ въ самыхъ широкихъ, такъ и въ самыхъ тѣсныхъ. Не всѣ могутъ быть героями — совершенно справедливо говорить г. Владиміровъ—но желательно, чтобы всѣ, хотя бы отчасти, были проникнуты героизмомъ, потому что этого требуетъ сама жизнь. Чтеніе книги Рено можетъ принести нашему юношеству немалую пользу, такъ какъ великіе примѣры возвышаютъ духъ и внушаютъ чело-вѣку, въ особенности въ юношескомъ возрастѣ, желаніе подражать имъ или хотя бы приблизиться къ нимъ. Мы тѣмъ охотнѣе можемъ рекомендовать русскимъ молодымъ читателямъ книгу Рено въ переводѣ г. Владимірова, что переводъ сдѣланъ вполне добро-совестно; приложенные же въ концѣ книги примѣры русскаго героизма выбраны весьма толково. (Нов. Вр.)

«Нашимъ юношамъ»: Дружескіе совѣты. Соч. Д-ра богословія Дж. Миллера, пер. Ловцовой. Спб. Ц. 10 к.

«Молодымъ дѣвушкамъ»: Дружескіе совѣты. Соч. Д-ра бого-словія Дж. Миллера, перев. М. Ловцовой. Спб. Ц. 10 к.

Наслѣдственность. П. Мантегацца. Профес. антропологіи. Спб. 1898 г. Ц. 30 к. *Оглавленіе*: Общее ученіе о наслѣдственности.— Половой подборъ.— Браки между родственниками.— Полъ дѣтей.— Наслѣдственность таланта. — Волѣнная наслѣдственность.— Безплодіе женщины. — Безплодіе мужчины. — Главные законы чело-вѣческаго прогресса.

Происхожденіе міра. (Sur l'origine de monde). Космогоническія теоріи древнія и современныя, критика гипотезы Лапласа и собственная теорія автора, съ добавленіемъ Н. Гауе (Фэйе), члена Парижской Академіи наукъ. Защиты гипотезы Лапласа и теорій—Карквуда, Трубриджа, Ньюкомба, Г. Х. Дарвина, а также критики теоріи Н. Гауе, изъ соч. Космогоническія гипо-тезы (Les hipotésés cosmogoniques), К. Вольфа, члена Париж-ской Академіи, астронома обсерваторіи. 2-е изданіе. Спб. 1895 г.

Ц. 1 р. 35 к. Книга эта изложена популярнымъ языкомъ и коротко знакомить со всѣми авторитетными ученіями выражавшими свое мнѣніе о происхожденіи міра. Въ прибавленіи помѣщены защиты гипотезы Лапласа и пр. Книга напечатана убогимъ шрифтомъ и внѣшній ея видъ не заставляеть желать ничего лучшаго. Съ рисунками.

Донъ-Кихоть Ламанчскій. Новое иллюстрированное изданіе 764 рис. Соч. Мигуэля Сервантеса Сааведры. Переводъ съ испанскаго В. Карелина. Исправленный и дополненный В. Зотовымъ, съ приложеніемъ критическаго этюда Карелина «Донъ-Кихотизмъ» и «Демонизмъ», въ 2 громадныхъ томахъ, напечатанныхъ на прекрасной веленевои бумагѣ, 1135 страницъ, съ 764 иллюстраціями. С.-Петербургъ, 1895 г. Ц. 5 руб., съ перес. 6 рублей.

Донъ-Кихоть Ламанчскій. Изданіе подъ редакцію М. Б. Чистякова. 3-е изданіе. Съ 100 рисунками. 1896 г. Ц. 1 р. *Содержаніе:* Предисловіе, объясняющее значеніе сочиненія Сервантеса.—Семейство Донъ-Кихота.—Отправленіе.—О посвященіи въ рыцари.—О случаѣ въ гостинницѣ.—Несчастье.—Второй отъѣздъ.—Борьба съ мельниками.—Замокъ.—Шлемъ.—Освобожденіе.—Горы.—Принцесса Маконика. Донъ-Кихоть въ клѣткѣ.—Санхо-Пансо.—Новыя приключенія.—Дульцинея.—Рыцарь зеркаль.—Приключеніе пастуха.—Прекрасная охотница.—Важныя событія.—О чарахъ Дульцинеи.—Губернаторство Санхо.—Донъ-Кихоть дѣлается пастухомъ.—Ночное приключеніе.—Возвращеніе.

Робинзонъ Крузо Младшій. Соч. Кампе (Для дѣтей). Переводъ П. Х. Весселя, съ раскрашенными картинками, въ папкѣ (большой томъ). Спб. Ц. 1 руб. 50 коп.

Иллюстрированная исторія Петра Великаго. Красиво изданный томъ большаго формата, съ великолѣпными рисунками. Вполнѣ можетъ составить прекрасный подарокъ для всякаго возраста и образованія. I въ красивой папкѣ 4 руб.—за 1 р. 25 к.

Потерянный и возвращенный рай. Поэма Джона Мильтона. Полный переводъ съ англійскаго П. А. Каншина, съ рисунками и портретомъ автора. Эта замѣчательная поэма знаменитаго англійскаго поэта выдержала безчисленную массу изданій на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Своему широкому распространенію она обязана оригинальности замысла и творческому выполненію его, обезсмертившему имя автора, блестяще справившагося со своею мудрепою задачею - изобразить первобытнаго человѣка. Это заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что Мильтонъ былъ слѣпымъ и свою великую поэму диктовалъ дочери. Въ видѣ предисловія—приложена статья переводчика о жизни и произведеніяхъ автора. Цѣна книги не велика до крайности: за тридцать восемь печатныхъ листовъ, 604 стр.—1 р 50 к. (Отзывъ газеты „Свѣтъ“).

Историческіе и религіозные этюды. Соч. знаменитаго французскаго философа Эрнеста Ренапа. Подъ редакціей В. Р. Чуйко. Изданіе третье. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Идеалы жизни. Умѣнье жить разумно и съ пользою, соч. серъ Дж. Леббока. Пер. съ англійскаго М. Ловцовой. Спб., 1895 г. 302 стр. Ц. 75 к. Важнѣйшіе вопросы жизни.—Умѣнье обходиться съ людьми.—Денежныя дѣла.—Развлеченія.—Здоровье, умѣнье быть здоровымъ.—Народное образованіе.—Библиотека для чтенія.—Чтеніе.—Патріотизмъ.—Гражданственность.—Самообразованіе.—Общественная жизнь.—Трудолюбіе.—Вѣра.—Надежда.—Любовь къ ближнему.—Характеръ человѣка.—Спокойствіе духа и счастье.—Религіозныя утѣшенія. Книга эта есть дополненіе книги того же автора.—„Радости жизни“.

Радости жизни. Соч. Д. Леббока. Пер. съ 14-го англійск. изд. М. И. Ловцовой съ предисловіемъ А. Михайлова. Спб., 1895 г., 2-е изданіе. Ц. 90 к. Оглавленіе: Стремленіе къ счастью—долгъ человѣка.—Счастье заключается въ исполненіи долга.—Хвала книгамъ.—Выборъ книгъ.—О дружбѣ.—Цѣнность времени.—Путешествія, какъ источникъ удовольствія.—Домашній очагъ.—Наука.—Школьное образованіе.—Честолюбіе.—Богатство.—О здоровьѣ.—Любовь.—Художество.—Поэзія.—Музыка.—Чудеса

природы.—Жизненные невзгоды.—Трудъ и отдых.—Религія.—
Будущіе успѣхи знанія.—Будущность человѣчества.

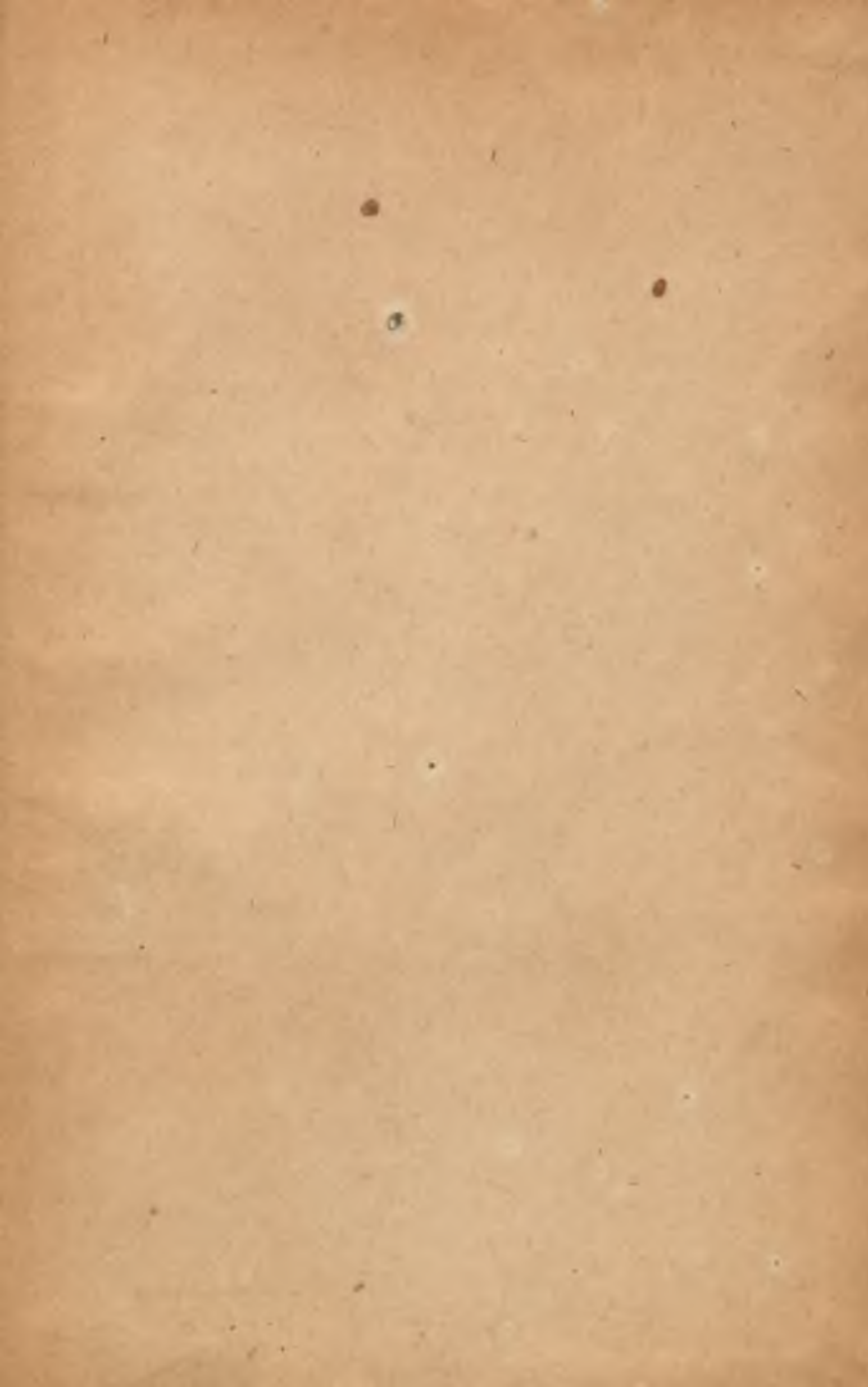
Наука о нравственности. (Этика). Изложеніе этическихъ при-
циповъ и ихъ примѣненіе къ частнымъ жизненнымъ отноше-
ніямъ. Соч. профессора Копенгагенскаго университета д-ра Га-
ралада Геффдинга. Переводъ подъ редакціей Л. Е. Оболенскаго.
Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 75 к.

Путь къ счастью. Какъ надо жить (Der Weg zum Glück). Соч.
доктора философіи, проф. Фридриха Кирхнера, автора книги
„Исторія философіи“. Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія Але-
ксѣя Маркова подъ редакціей А. А. Быкова. Спб. 1898 г., 358 стр.
Цѣна 75 коп.—Имя проф. Кирхнера настолько популярно въ
Германіи благодаря длинному ряду его сочиненій, написанныхъ
съ теплымъ чувствомъ любви къ человѣчеству и съ желаніемъ
принести ему посильную пользу, что переводчикъ счелъ полез-
нымъ ознакомить русскихъ читателей съ симпатичными взгля-
дами Кирхнера на тотъ путь, которымъ человѣкъ можетъ до-
стичь истиннаго счастья на землѣ. Главное достоинство автора—
чувство жизнерадостности, исключющее все грязное, мрачное
и лицемѣрное.

Философія. Въ общедоступномъ изложеніи І. фонъ-Кирхмана.
Переводъ съ третьяго, просмотрѣннаго авторомъ, нѣмецкаго из-
данія, подъ редакціей, съ примѣчаніями и предисловіемъ, Л. Е.
Оболенскаго. Спб. Цѣна 1 р. 25 к.

Чудеса древней страны пирамидъ. Путешествіе за три тысячи
лѣтъ. Географическія, историческія и бытовыя картины, древ-
няго Египта, въ періодъ его процвѣтанія и упадка. Соч. д-ра
Карла Оппелл. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Страхова, исправлен-
ный и дополненный по 4-му изданію подъ редакціей А. А. Бы-
кова. Съ 182 рисунками, помѣщенными въ текстъ, и планомъ
съ птичьего полета египетскихъ памятниковъ Нильской долины.
Спб., 1897 г. 3-е изд., 542 стр. Цѣна 3 р. 50 к.

Довз. цена. Спб. 19 Іюля 1898 г. Тип. А. Трунова. Калашн. пр., 15.

1000072450

